

МОНА РАЙД

Недоtroга
для
БОССА

Мона Райд

Недотрога для босса

«Литнет»

2026

Райд М.

Недотрога для босса / М. Райд — «Литнет», 2026

Людмила приехала в Москву из маленького города с одним правилом — жить честно. Работать много. Помогать родителям. Не переступить через себя. Она — талантливый дизайнер в крупной компании. Умная. Спокойная. Она привыкла держать дистанцию. Привыкла быть незаметной. Пока однажды на неё не посмотрел её босс. Антон Андреевич — успешный, жёсткий, холодный. Мужчина, который привык получать всё. Женщины для него — лёгкая игра. Карьера — поле боя. Эмоции — слабость. Но Люда не вписывается в его правила. Она не заискивает. Не соблазняет. Не просит. И отказывает. Его желание перерастает в одержимость. Её спокойствие — в тревожное притяжение. Между ними — власть, страх, моральные принципы и прошлое, которое не отпускает. Можно ли построить любовь там, где всё началось с вызова? Можно ли остаться собой, когда тебя хотят сломать? И что сильнее — страсть или вера? Это история о женщине, которая не продаёт себя за комфорт. И о мужчине, которому впервые придётся заслужить. О выборе между тихим безопасным счастьем и огнём, который может сжечь — или осветить жизнь навсегда.

© Райд М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 — Белый снег	5
Глава 2 — Интересная женщина	12
Глава 3 — «Не смотри так»	14
Глава 4 — Контроль	16
Глава 5 — «Разнести»	19
Глава 6 — «Ресурс»	24
Глава 7 — «Не билет в рай»	27
Глава 8 — «Подмена»	31
Глава 9 — «Помутнение»	36
Глава 10 — «Тихо. Чтобы никто»	40
Глава 11 — «Тихая жизнь»	42
Глава 12 — «Собственник»	44
Глава 13 — «Отсутствие»	46
Глава 14 — «Лондон»	48
Глава 15 — «Воскресное утро»	50
Глава 16 — «Предел»	53
Глава 17 — «Там, где больно»	56
Глава 18 — «Под кожей»	59
Глава 19 — «Между желанием и выбором»	62
Глава 20 «Когда ревность имеет голос»	65
Глава 21 — «Сладко до дрожи»	70
Глава 22 Право на выбор	74
Глава 23 Серебро, которое смотрят	78
Глава 24 Когда ревность подгорает	84
Глава 25 «Ночь, которая всё меняет»	87
Глава 25. 2 часть	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1 — Белый снег

Люда сидела за офисным столом и, повернувшись от монитора, смотрела в окно.

За окном шёл снег. Крупный, медленный, почти ленивый. Прохожие спешили по своим делам, машины бежали по асфальту — пробок практически не было. Москва иногда умела быть спокойной.

Её глаза отдыхали. За монитором они очень уставали.

Она была дизайнером — по профессии.

А по призванию... по призванию, наверное, всё-таки художником. Или иллюстратором. Но этим сейчас было невозможно заработать, поэтому дизайн — это то, что нужно.

Дизайн — это то, что спасало Люду от голодной смерти, от невозможности заплатить за квартиру, купить тёплое пальто, поесть что-нибудь вкусное, не считая копейки.

Рядом, за другим монитором, сидела Света.

— Опять в окно? — спросила она, не отрываясь от экрана.

— Глаза отдыхают.

Света хмыкнула.

Её подруга была женщиной сильной, волевой, с характером — и при этом невероятно оптимистичной. Уже побывала замужем, уже разочаровывалась, уже собирала себя по кускам — и всё равно верила, что её ждёт великая удача. В частности, что счастье обязательно найдётся на одном из сайтов знакомств.

— Я вчера опять зарегистрировалась, — сообщила Света. — Новый алгоритм подбора.

— Поздравляю, — мягко улыбнулась Люда.

Сама она туда идти не хотела. Не потому что гордая. Просто... не хотелось. Она философски смотрела на людей. Кто её — тот придёт. Если не придёт — значит, так и нужно.

Компания, где они работали, была очень хорошая: приличная зарплата, соцпакет, обеды. Настоящие обеды — не лапша из контейнера.

Для Людмилы это всё ещё казалось немного чудом.

Она совсем недавно приехала в Москву. В маленьком городке, откуда она родом, её никогда не оформляли «по-белому». И зарплату могли задержать на месяц. И «спасибо» никто не говорил.

Она никогда не мечтала быть дизайнером.

Она мечтала быть художником.

Ещё в детстве её отдали в студию — пахнущую гуашью, мокрой бумагой и терпением преподавателя. Потом была художественная школа. Потом университет — художественно-графический факультет.

В дизайн её занесло случайно. У матери оказался знакомый, который устроил её «попробовать».

Можно было пойти либо на рынок... либо на рынок.

Она выбрала компьютер.

За несколько лет в дизайнерском деле, потом в типографии, она стала хорошим, крепким специалистом. Набралась ума-разума. И уехала в Москву.

Москва ее приняла.

Иногда она мысленно прокручивала весь путь — студия, школа, университет, типография, бессонные ночи, первый макет, который не стыдно показать.

Теперь у неё была стабильность.

Приличная зарплата.

Соцпакет.

Обеды.

Съемная квартира.

И снег за окном.

Жизнь пошла не по тому пути, о котором она мечтала в детстве. Но, возможно, это тоже своего рода холст. На котором можно попробовать нарисовать что-то новое.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

Коллектив здесь был дружный. Настоящий. Без яда.

Дизайнеры, маркетологи, логисты, менеджеры.

Только вот творческой свободы почти не было.

Чёткие ТЗ.

Строгие дедлайны.

«Сделайте как в прошлый раз, только по-другому».

Иногда идей не хватало, и тогда Людмиле удавалось аккуратно «пропихнуть» свои — те, что она вынашивала ночами, как любимых детей. Продумывала композицию, цвет, шрифт, настроение.

Начальник у неё был хороший. Приличный человек. Но очень послушный в иерархии компании.

Иногда её идеи всё-таки проходили.

Если они были безупречно оформлены и в них явно прослеживался здравый смысл.

Тогда начальник показывал их руководству.

С одной небольшой оговоркой — выдавал за свои.

Людмила не обижалась.

Главное — идея жила.

И вот наступил момент, когда проект нужно было представлять руководству.

А начальник попал в больницу.

— И кто теперь? — спросила Света, отрываясь от экрана.

— Видимо, я, — спокойно ответила Люда.

Она не нервничала.

Просто понимала, что это нужно сделать и все.

Распечатки большой презентации формата А3 лежали аккуратно собранными на столе.

Она слегка подкрасила ресницы перед выходом — просто чтобы выглядеть собранно.

Не для кого-то.

Для себя.

Главное — говорить по делу.

◆◆◆

Лестница в главном корпусе всегда казалась ей слишком широкой.

Она шла, прижимая к груди папку с распечатками формата А3.

В голове прокручивала структуру доклада.

Цифры. Логика. Обоснование.

И вдруг —

резкий поворот.

Столкновение.

Твёрдое мужское плечо.

Удар оказался не сильным, но достаточным, чтобы папка выскользнула из рук.

Листы взметнулись вверх и разлетелись по ступеням — графики, макеты, схемы, цветовые решения. Белые прямоугольники медленно сползали вниз по мрамору.

— Ой... — выдохнула Люда.

И тут же опустилась на ступеньку, собирая презентацию.

Самое страшное — перепутать порядок.

Она быстро перебирала листы, аккуратно складывая их в стопку.

А он не двигался.

Антон Сергеевич генеральный директор стоял на полступени выше.

И смотрел. Зачем смотрел, почему смотрел? Почему не пошел дальше по своим важным делам?

На то, как строгая офисная юбка слегка приподнялась, когда она присела.

На длинные, стройные ноги.

На тонкие щиколотки в аккуратных туфлях.

Ничего вызывающего.

Ничего лишнего.

Но взгляд задержался.

Что-то внутри лениво шевельнулось.

Интерес. Красивая, не яркая, но запоминающаяся, белая блузка обрисовывает аккуратную грудь, красивая шея, волосы убраны, чувственные губы, тушь на ресницах.

Интерес совсем лёгкий.

— Простите, — спокойно сказала Люда, не поднимая глаз. — Я не заметила.

Голос ровный.

Без паники.

Без заискивания.

Он медленно наклонился и поднял последний лист, который лежал почти у его ботинок.

Пробежал глазами по макету.

Чисто.

Смело.

Продуманно.

— Это ваше? — спросил он.

Она подняла голову.

И замерла.

— Да, — ответила она. — Это презентация для совещания.

— Для какого?

— По новому проекту. Я вместо Александра Ивановича. Он в больнице.

Антон посмотрел на часы.

Совещание начиналось через три минуты.

Он протянул ей лист.

Их пальцы на секунду соприкоснулись.

Тепло. Спокойно. Она собрала стопку, аккуратно выровняла края.

— Тогда вам стоит поторопиться, — произнёс он и пошел дальше размеренно, не торопясь. Людмила последовала за ним.

Они вошли в аудиторию вместе.

Все отделы уже сидели — маркетинг, финансы, продажи.

Ждали генерального. И дизайнера.

Когда Люда встала у экрана, раскладывая листы, Антон занял своё место во главе стола.

Теперь он смотрел на неё немного иначе, как на неожиданность, которая почему-то зацепила. Совсем немного. Пока.

А снег за окном всё так же падал.

Спокойно.

Будто ничего не произошло.

От автора:

Дорогие читатели, спасибо, что открыли эту историю. Мне очень приятно видеть вас здесь и делиться новой книгой.

Если вам откликается атмосфера и герои — поддержите роман лайком и тёплым словом в комментариях, для автора это действительно важно. И обязательно добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять её и не пропустить продолжение. Проверьте, что она сохранилась — впереди ещё много всего. ✨

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в мою новую историю — «Ошибка в контракте».

Он — 40-летний состоятельный циник, привыкший держать все под контролем, которому нужна фиктивная жена, чтобы получить опеку над племянником.

Она — 24-летняя инфантильная художница, создающая авторских кукол, которая ищет мужа, чтобы умирающая бабушка ушла спокойно.

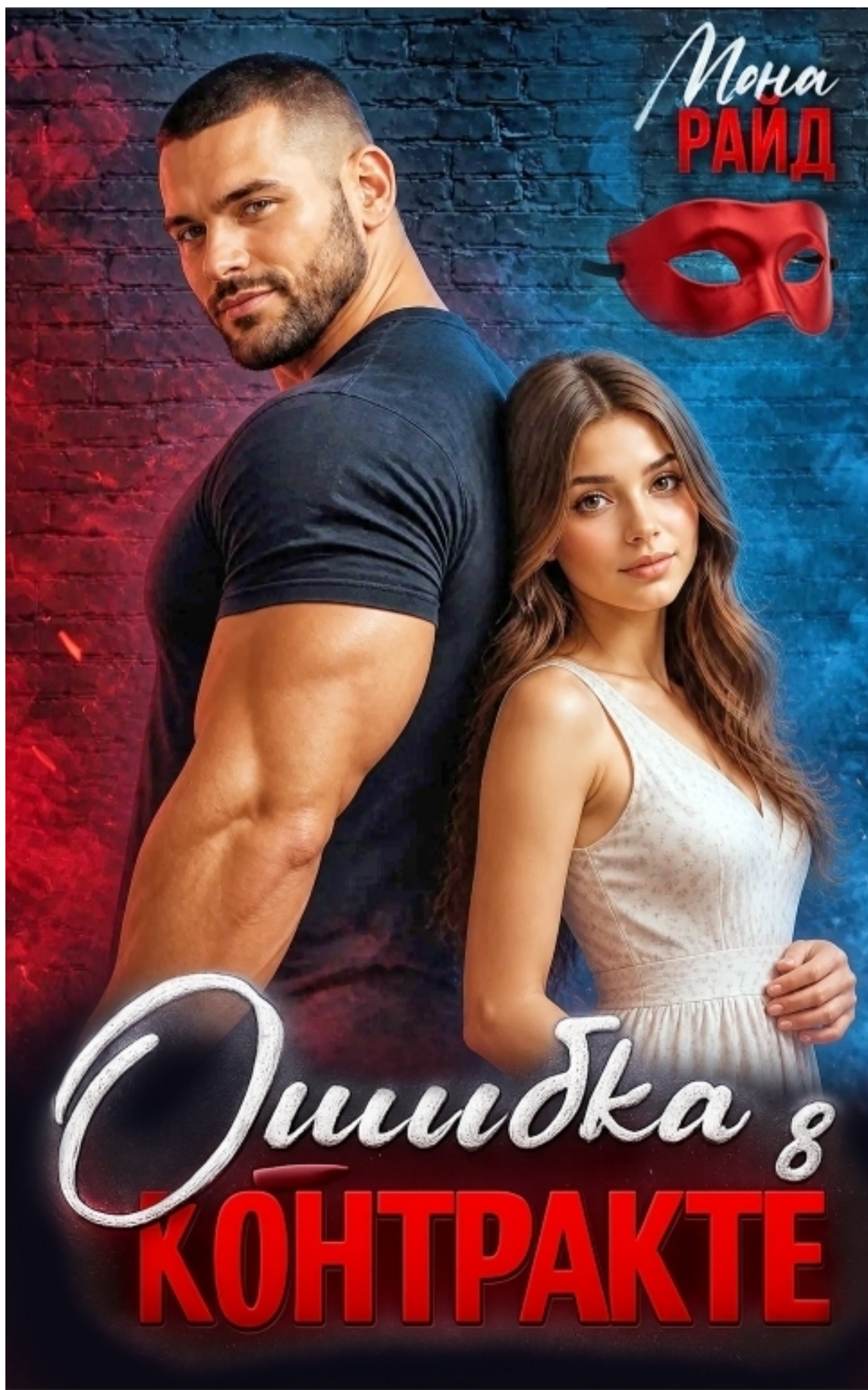
Их брак — сделка. Год без чувств, эмоций и любви. Контракт подписан.

Она делает ошибку в контракте. Он замечает. Но молчит. Теперь она на десять лет принадлежит ему.

Впереди — суд по опеке, любовь, ревность, похищение и враг из прошлого, который жаждет мести. А ещё — ночи, после которых она перестанет верить, что фиктивный брак не может стать настоящим.

Ошибка в контракте стала началом их любви. Но успеют ли они понять это до того, как пуля почти оборвёт всё?

Здесь пахнет масляной краской и жасмином, здесь контракты горят в камине, а ошибки становятся судьбой. Хотите почувствовать эту магию? Читайте «Ошибка в контракте».

ЧИТАТЬ ТУТ

<https://litnet.com/shrt/zSgc>

Глава 2 — Интересная женщина

У меня два совещания подряд. Сначала по дистрибуции, потом по маркетингу.

И ещё эта новая линейка снеков. Я слушаю доклады, киваю, задаю вопросы — и ловлю себя на том, что думаю не о цифрах. А о дизайнере.

Людмила. Смешно. Обычно я помню людей по фамилиям. Её — по ногам.

Сажу во главе стола, слушаю маркетинг.

— Мы усилили позиционирование через эмоциональный код бренда... — бодро тараторит Дмитрий.

Дмитрий. Активный. Улыбчивый. Слишком старается. Перевожу взгляд вглубь переговорной. Она сидит через два кресла от него. Слушает внимательно.

Не играет в телефон. Не делает вид. Действительно слушает.

Дмитрий наклоняется к ней, что-то тихо объясняет, показывает на слайде. Она кивает.

Спрашивает. Он расплывается. Понимаю — ухаживает.

Ненавязчиво. Кофе, разговоры, «я занесу тебе данные», «вот интересная статья».

Она не флиртует. Но и не отталкивает. Просто общается. И это почему-то раздражает.

— Людмила, — обращаюсь к ней неожиданно даже для себя. — Как вы оцениваете предложенную концепцию?

Дмитрий замирает. Она поднимает глаза. Спокойно.

— Есть риск перегруза визуала, — говорит ровно. — Если усиливать эмоциональный код, упаковка должна оставаться чистой. Иначе мы перегрузим упаковку и покупатель не поймет куда ему смотреть в первую очередь.

Говорит уверенно. Без попытки понравиться. Я смотрю на неё слишком долго. Дмитрий это замечает. Чёрт.

— Хорошо, — киваю. — После совещания зайдите ко мне с макетами. Короткий кивок в ответ. Ни улыбки. Ни напряжения. Совещание заканчивается.

Все поднимаются. Я медлю. Смотрю, как Дмитрий первым оказывается рядом с ней.

— Люд, я тебе кофе занесу, — слышу обрывок фразы.

— Спасибо, Дим, не нужно, — мягко отвечает она. — Я сама. Мягко. Но твёрдо. Он всё равно улыбается.

Б***ь. Не нравится мне его улыбка. Выхожу позже из зала заседаний. На лестнице вижу их.

Он чуть наклонился к ней, что-то говорит. Она стоит спокойно, держа папку с распечатками. Он касается её локтя. Не нагло. Но достаточно.

Я ускоряю шаг.

— Людмила, — произношу.

Она оборачивается. Дмитрий отдёргивает руку.

— Антон Сергеевич. Вот теперь официально. В голосе — уважение. Не больше.

— Макеты полностью готовы?

— Да.

Протягивает папку. Я не беру сразу. Смотрю на Дмитрия.

— Дмитрий, отчёт по фокус-группам отправьте сегодня до шести. Он напрягается.

— Конечно. Уходит. Слишком быстро.

Мы остаёмся на лестнице вдвоём. Тот же пролёт. Те же ступени. Интересная закономерность. Я поднимаюсь на одну ступень выше. Теперь я чуть выше неё.

Она держит папку с макетами, ровно, уверенно. Ни суеты, ни неловкости.

— Людмила, — произношу спокойно. — Сколько времени вы работали над этой концепцией? Она чуть удивляется вопросу.

— Около двух недель. С учётом доработок — три.

— Самостоятельно?

— Визуал — да. С маркетингом согласовывали позиционирование. Кивает в сторону, где только что стоял Дмитрий. Я отмечаю это движение.

— Вижу, вы глубоко погружаетесь в продукт.

— Иначе дизайн не работает, — отвечает она. — Картинка без смысла — просто картинка.

Ровный голос. Ни заигрывания. Ни напряжения. Я смотрю на неё чуть дольше, чем требуется.

— Вы давно в компании?

— Полгода.

— И уже берёте на себя презентации вместо руководителя отдела.

— Так сложились обстоятельства.

Без ложной скромности. Без бахвальства. Просто факт. Я киваю.

— Амбиции есть? Она на секунду задумывается.

— Есть желание делать хорошо.

Интересный ответ. Не «карьера». Не «рост». Не «позиция».

— А если предложат руководить направлением? — спрашиваю нейтрально. Давно хочу сменить начальника отдела дизайна. Она слегка хмурится.

— Если буду понимать, что справлюсь. Она не спрашивает: «Вы предлагаете?»

Она вообще ничего не просит. И это странно. Обычно в этот момент люди начинают улыбаться шире. Становятся мягче. Открываются. Она — нет.

— Дмитрий активно подключается к проекту, — замечаю будто между прочим.

— Это его зона ответственности, — спокойно отвечает она.

— Вам комфортно с ним работать?

Вот теперь она смотрит чуть внимательнее. Как будто пытается понять, о чём именно вопрос.

— Да. Он вовлечён. Без эмоций. Без подтекста.

Я делаю паузу.

— Хорошо.

— Зайдите ко мне через пять минут. Обсудим финальные правки.

Она кивает.

— Конечно.

И проходит мимо. Спокойно. Без спешки. Запах лёгкий, чистый. Никакой навязчивой парфюмерии. Я остаюсь на лестнице ещё на секунду.

Что это было? Обычный разговор. Ничего лишнего. Я не задал ни одного личного вопроса. Не перешёл границу. Но почему ощущение, будто проверил не отчёт, а её? Она не флиртует. Не ищет расположения. Не реагирует на давление. И именно это заставляет смотреть внимательнее. Не как на сотрудницу. А как на задачу. Которую пока не хочется решать быстро. И это начинает раздражать.

И интересоваться. Одновременно.

Глава 3 — «Не смотри так»

Людмила вышла из кабинета генерального после окончательных правок макета и медленно направилась к своему рабочему месту. В коридоре было привычно шумно: кто-то обсуждал поставщиков, кто-то смеялся у кулера, звонили телефоны. Всё как всегда. Только внутри у неё почему-то не было привычного ровного фона.

Вопрос Антона Сергеевича застрял в голове.

«А если предложат руководить направлением?»

Она никогда об этом не думала. Ни разу всерьёз. Её начальник крепко держался за своё место, да и не стремилась она никуда выше. Ей нравилось быть хорошим специалистом — не больше и не меньше. Делать свою работу качественно, продумывать детали, отвечать за результат — но только за свой.

Руководство — это другое. Это ответственность за людей. За чужие ошибки. За конфликты, которые неизбежны там, где есть власть. За интриги, за тонкие разговоры в коридорах, за необходимость улыбаться тем, кто тебе неприятен. Она не любила людские дразги. Не умела в них играть. И не хотела учиться.

Сможет ли она потянуть весь отдел?

Честный ответ пришёл сразу.

Нет.

Не сейчас. Слишком мало сил. Слишком хрупкое равновесие внутри, чтобы взваливать на себя ещё и чужие амбиции. Она слишком ценит простые вещи: закончить задачи к шести вечера, закрыть ноутбук и выйти из офиса без ощущения, что мир рухнет без её контроля. Дойти до дома пешком, купить что-нибудь к чаю, включить музыку. Почувствовать, что это время — её. Свободное. Не разорванное звонками и срочными вопросами.

Ей нужен покой.

Не нервотрёпка.

Не борьба.

Просто работа, сделанная хорошо.

И всё же...

Мысль о более тесном сотрудничестве с генеральным почему-то не отпускала. Не должность. Не статус. А именно — он.

В его взгляде было что-то, что она уловила не разумом, а кожей. Не явный интерес, не флирт, не нарушение границ. Нет. Это было мягче. Глубже. Бархатнее. Темнее. Это удерживало её внимание и не отпускало.

Как будто он смотрел не только на её макеты.

И это ощущение слегка тянуло внутрь, в омут его спокойной, серьёзной внимательности. Глупости.

Она резко одёрнула себя.

С чего она вообще взяла, что Антон Сергеевич может быть ею заинтересован? Генеральный директор. Человек, у которого в подчинении сотни сотрудников. У которого только в Московском офисе работает не один десяток молодых красивых женщин, которым она и в подметки не годится. Он просто задавал рабочие вопросы. Оценивал компетенции. Просчитывал варианты. Всё.

Она придумывает.

Наверное, просто непривычно, когда тебя так внимательно слушают.

Людмила села за стол, открыла файл с правками и заставила себя сосредоточиться на шрифтах и цвете. Работа всегда помогала выровнять мысли.

В шесть вечера она уйдёт домой.

И всё встанет на свои места.
Так должно быть.
Телефон тихо завибрировал.
Сообщение от Дмитрия:
«Если нужно — могу вечером показать исследования по молодёжной аудитории».
Она улыбнулась.
Не потому что он ей нравился.
Просто он был добрый.
Понятный.
Вечером она вышла из офиса позже обычного.
Москва была в снегу.

Фонари делали его почти золотым.
Она шла к метро, думая о том, что ей нужно успокоиться.
Он просто начальник. Просто мужчина. Просто человек.
Но внутри было другое.
Она вошла в свою маленькую студию, включила свет.
Тишина. Она сняла пальто, распустила волосы. Пепельные пряди рассыпались по плечам.
Подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.
Он правда смотрит? Или мне кажется?
Она слегка коснулась губ. Сегодня на совещании, когда он говорил, она ловила себя на том, что следит за его руками.
За тем, как он сжимает ручку. За тем, как напрягается челюсть.
Не думай об этом.
Она включила лампу над столом и достала скетчбук. Нарисовать. Это всегда помогало.
Линия за линией. Сначала упаковка. Потом почему-то — мужской профиль.
Она остановилась. Стерла. Снова начала.
И опять вышла та же линия — высокий лоб, жёсткая скуловая кость. Она резко закрыла альбом.
— Господи... — выдохнула тихо.
Она опустилась на край кровати.
Молитва приходила не как слова, а как просьба.
Не введи нас во искушение...
Она вспомнила бабушкин голос.
Тело может просить. Душа должна решать.
Но что делать, если душа тоже начинает дрожать?
Она не хотела влюбляться.
Не хотела снова проходить через разрушение. Вообще не хотела отношений с мужчинами. Без них лучше и проще.
И всё же... Она чувствовала — это начало чего-то.
Она легла, закрыла глаза.

Глава 4 — Контроль

Антон не любил тишину.

В его квартире она была дорогой. Панорамные окна, тёмный паркет, приглушённый свет. Всё — идеально. И абсолютно беззвучно.

Он снял пиджак, бросил на кресло, прошёл к бару. Налил виски. Поднёс к губам — и остановился. Не хотелось. Странно.

Обычно после напряжённого дня он гасил мысли алкоголем или спортом. Сегодня мысли были другими.

Он видел её на лестнице. Папка в руках, спокойная осанка, собранность. Юбка чуть выше колена, тонкая линия талии, аккуратный хвост пепельных волос. Не демонстративная красота — тихая, почти незаметная. И от этого — сильнее.

Его всегда задевала необычная красота. Та, в которой нет вызова, но есть глубина. Иногда он ловил себя на странной мысли: как вообще можно было придумать нечто настолько мягкое и в то же время цельное?

Он помнил её взгляд. Не испуганный. Не заискивающий. Не ищущий одобрения.

Она не улыбалась ему. И это задевало.

Антон подошёл к окну. Москва мерцала огнями. Он привык чувствовать себя выше — физически и социально. Привык, что дистанция создаёт власть. Сегодня этой привычной уверенности почему-то не было.

В кабинете он задавал обычные вопросы. Про сроки. Про амбиции. Про команду. Ничего лишнего. Ни одного шага за границу. И всё равно ощущение было странным — будто разговор касался не только работы.

Она отвечала спокойно. Без кокетства. Без страха. И этим лишала его привычного преимущества.

Он сжал челюсть.

Ты ревнуешь? Серьёзно?

Это смешно.

Он не ревнует. Он просто не привык, что человек, на которого он обратил внимание, остаётся полностью автономным. Не подстраивается. Не пытается понравиться. Не считывает его статус как повод стать мягче.

Слово всплыло само.

Интерес.

Он поморщился. Это уже не просто профессиональная оценка.

Людмила не старалась быть привлекательной. Не играла. Не демонстрировала себя. И именно поэтому он смотрел внимательнее.

Антон сел на диван, откинулся назад.

Он знал женщин. Знал сигналы. Обычно всё считывается быстро: взгляд, пауза, интонация. Здесь — ничего очевидного. Но тело не обманывает. Он заметил, как она чуть задерживает дыхание, когда он подходит ближе. Как напрягаются плечи — не от страха, а от внутренней собранности.

Это было не равнодушие.

Это была осторожность.

И вот что задевало по-настоящему — она держала границу не демонстративно, а естественно. Будто это часть её внутреннего устройства.

Он впервые за долгое время чувствовал, что ситуация не полностью в его власти. Он мог изменить структуру отдела. Мог повесить её. Мог создать условия. Но не мог заставить её смотреть иначе.

Не мог ускорить процесс.

Антон резко поднялся, прошёл в спальню, снял рубашку, бросил на пол. Подошёл к зеркалу. Посмотрел на себя.

Уверенный. Успешный. Привыкший контролировать.

Почему рядом с ней возникает ощущение, что он... не знает правил?

Он вспомнил, как она сказала: «Если буду понимать, что справлюсь». Ни намёка на жадность. Ни желания ухватиться. Только трезвая оценка себя.

Это не игра в скромность.

Это принцип.

Он сел на край кровати.

Впервые за долгое время он думал не о теле женщины. Он думал о том, почему рядом с одной конкретной женщиной ему хочется быть не сильнее — а аккуратнее.

Это было непривычно.

Потому что если ты меняешь стиль — ты теряешь контроль.

А контроль был его основой. С детства.

Он вспомнил голос отца: «Держи дистанцию. Тогда тебя не заденут».

Антон держал. Всегда.

Но Людмила не пыталась приблизиться. И именно поэтому дистанция вдруг начала сокращаться — внутри него.

Он лёг, глядя в потолок. Мысль пришла неожиданно.

Он слишком усложняет. Никакой глубины. Никакой философии. Всё проще.

Антон закрыл глаза и позволил памяти воспроизвести детали: линия её ног в офисной юбке, спокойная, уверенная походка, тонкий переход от талии к бёдрам, длинные ноги, аккуратный хвост пепельных волос, изящная шея. Женственная. Живая. Настоящая.

Вот и всё. Обычный мужской интерес к женщине. Не больше.

Он усмехнулся, словно поймал себя на ненужной сентиментальности. Конечно. Он просто хочет рассмотреть её ближе. Понять, какая она вне офиса. Без папки с макетами, без строгой интонации, без дистанции между «Антон Сергеевич» и «Людмила».

Чтобы это понять, нужна нормальная обстановка. Не лестница. Не переговорная. Не его кабинет. Ресторан. Вечер. Свет, в котором люди расслабляются. Там она будет другой. Там она сможет иначе считывать его сигналы.

Он не решил, нужно ли продолжение на ночь. Скорее всего, нет. Скорее всего, интерес рассеется уже за столиком — так бывало не раз. Иллюзия держится на дистанции, а при приближении исчезает.

Ну что может быть настолько загадочного в дизайнере?

Ничего особенного.

Просто красивая женщина.

Проверить стоит.

Он выдохнул. Внутри стало спокойнее. Логичнее. Понятнее.

Это не вызов. Не борьба. Не зеркало.

Это желание.

А с желаниями он всегда умел разбираться.

Телефон завибрировал. Сообщение от знакомой: «Приехать?»

И он ответил: «Да».

От автора: Дорогие друзья ##

Если вам нравится эта история — пожалуйста, не забывайте нажимать ★ на главной странице книги.

Для вас это одно лёгкое движение. А для автора — огромное вдохновение.

Каждая звёздочка — это знак, что история живёт, что она трогает, что её читают и ждут. Именно такие маленькие отклики дают силы писать дальше, глубже, горячее и искреннее.

Спасибо вам за тепло, за внимание и за то, что вы здесь ###

Глава 5 — «Разнести»

Антон вызвал её к себе ближе к концу рабочего дня.

Людмила вошла спокойно, с блокнотом в руках. Он стоял у окна, спиной к кабинету. Развернулся не сразу.

— Присядьте.

Она села. Ровно. Собранно.

— Я думал над нашим разговором, — начал он без предисловий. — По поводу руководства отделом.

Она слегка напряглась, но взгляд остался спокойным.

— Я давно хотел сменить начальника дизайна, — продолжил он. — Он не креативный. Слишком осторожный. Зашоренный. Отдел работает по инерции. Мне нужен человек с другим мышлением.

Пауза.

— Вы кажетесь подходящей кандидатурой. У вас есть потенциал.

Слова звучали делово. Почти официально. Но взгляд был внимательнее, чем требовалось.

Людмила выдержала его.

— Спасибо за доверие, Антон Сергеевич. Мне действительно важно это слышать. Но я не могу принять эту должность.

Он слегка прищурился.

— Почему?

— Во-первых, я не чувствую в себе достаточных сил для управления отделом. Это большая ответственность. Во-вторых... — она на секунду замялась, — мой руководитель сейчас в больнице. Обсуждать его замену за его спиной я считаю некорректным.

Спокойно. Без пафоса. Без вызова.

Антон сжал пальцы в замок.

— Это бизнес, Людмила. Здесь нет места эмоциям.

— Это не эмоции, — ответила она. — Это мои принципы.

Он сделал шаг к столу.

— Хорошо. Тогда обсудим это подробнее сегодня вечером. Поужинаем и спокойно поговорим. Здесь нет времени — через двадцать минут у меня встреча.

Предложение прозвучало как распоряжение.

Людмила не отвела взгляда.

— Я не уверена, что ужин — подходящий формат для обсуждения служебных вопросов.

— Иногда рабочие решения принимаются вне офиса, — холодно ответил он.

— Возможно. Но для меня рабочие решения принимаются в рабочее время.

В кабинете повисла пауза.

Антон почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

Чёрт.

— Тогда ждите меня сегодня в офисе к девятнадцати ноль-ноль, — резко сказал он. — Вернусь со встречи — продолжим разговор.

Она медленно вдохнула.

— По моему трудовому договору рабочий день заканчивается в восемнадцать ноль-ноль. Оставаться после — в мои обязанности не входит. Если у вас есть вопросы к моей работе или должностным обязанностям, я готова их обсудить. Но в рамках рабочего времени.

Ровно. Без оправданий.

Внутри у него вспыхнуло.

Она спокойно ответила:

— Обновлённая цветовая гамма с учётом аналитики.

Он поднял на неё глаза.

— Это... — пауза. — Полное дерьмо.

Слово прозвучало тихо. Почти ровно.

Но в нём было больше, чем в крике.

Людмила не моргнула.

— Что именно вас не устраивает?

— Всё. Цвет мёртвый. Шрифт провален. Эмоции — ноль. Это не продукт, это... — он махнул рукой. — ...провал.

Она чувствовала, как внутри что-то болезненно сжимается.

— Вчера вы одобрили концепцию.

— Вчера я дал шанс. Сегодня вижу результат.

Он снял очки.

— Людмила, вы вообще понимаете, что делаете?

Спокойно. Без повышения голоса.

И от этого жёстче.

— Да.

— Тогда почему это выглядит так, будто вы впервые открыли графический редактор?

Это уже был удар.

Она стояла прямо.

— Какие правки вы хотите внести?

Он встал. Обошёл стол. Подошёл ближе.

— Я не хочу правки. Я хочу продукт, за который мне не будет стыдно перед партнёрами.

Пауза.

— Переделайте. Полностью.

— К какому сроку?

— Сегодня.

Она кивнула.

— Поняла.

Он ждал реакции.

Смущения. Обиды. Оправданий.

Ничего.

Только спокойный взгляд.

И это почему-то раздражало сильнее всего.

— Свободны.

Она вышла. Внутри у нее все тряслось и даже руки подрагивали от несправедливости.

Только в коридоре позволила себе вдохнуть глубже.

Света подняла голову.

— Что?

— Переделывать.

— Всё?

— Всё.

Света тихо выругалась. Людмила села. Открыла файл. Удалить. Начать заново.

Часы шли. Коллеги расходились. Дмитрий подошёл ближе.

— Люд, ты ещё долго?

— Нужно закончить.

— Может, помочь?

Она покачала головой.

— Нет.

Он задержался.

— Он сегодня... жёсткий.

Она чуть улыбнулась.

— Он генеральный.

В десять вечера в офисе почти никого не осталось.

Людмила сняла очки. Потёрла переносицу.

Глаза горели. Но она не собиралась сдавать. Не из гордости.

Из уважения к работе. В половине двенадцатого она отправила новую версию.

И все-таки Антон Сергеевич заставил ее работать свыше нормы. Гад такой, ему это удалось.

Ответ не последовал.

Утром она пришла раньше.

В кабинет вошла ровно в девять.

Он уже ждал.

Взял распечатки.

Просмотрел быстрее.

Положил на стол.

— Лучше.

Пауза.

— Но всё равно слабовато.

Она почувствовала, как внутри начинает дрожать что-то опасное.

— Конкретно?

— Вам нужно больше смелости. Вы боитесь выйти за рамки.

Она смотрела прямо.

— Я работаю в рамках бренда.

Он шагнул ближе.

— Не прикрывайтесь брендом.

Голос стал ниже.

— Вы талантливы. Но делаете безопасно. А безопасно — это скучно.

Он наклонился к столу, упираясь ладонями.

— Или вы просто боитесь ошибиться?

Она поняла.

Это уже не только про макеты.

— Я не боюсь, — ответила спокойно.

— Тогда покажите.

Тишина.

Он смотрел на неё так, будто хотел продавить.

— Вы можете больше, — тихо добавил он. — Но пока делаете... средне.

Слово было почти оскорблением.

Людмила чувствовала усталость. Бессонную ночь. Сжатые нервы.

Но лицо оставалось спокойным.

— Я переделаю ещё раз.

Он смотрел дольше, чем нужно.

— Делайте.

Она развернулась.

У двери он бросил:

— И, Людмила...

Она остановилась.

— Не нужно оставаться до полуночи. Это не подвиг. Это слабость планирования. Это было несправедливо. Он знал, что она сидела до ночи. Она кивнула.

— Учту.

И вышла. Антон остался один. Провёл рукой по лицу.

— Твою же...

Он понимал, что перегибает. Но иначе — не умел.

Ему хотелось выбить из неё эту спокойную дистанцию.

Заставить проявиться. Разозлиться. Закричать.

Хоть как-то показать, что ему удалось задеть.

А она держалась.

И от этого внутри у него всё кипело сильнее.

От автора: Друзья ##

Если вам нравится эта история, я — буду очень благодарна за вашу поддержку. Пожалуйста, нажмите ★ на странице книги.

Для вас это всего одно нажатие,

а для меня — мощный заряд вдохновения.

Каждая звёздочка — это тёплый отклик, знак того, что история находит отклик в вашем сердце и её хочется читать дальше.

Спасибо, что читаете, чувствуете и остаетесь со мной ☆☆

Глава 6 — «Ресурс»

Работа дизайнера — с одной стороны творческая и неплохо оплачиваемая, если ты работаешь в крупном отделе в большой компании.

Но она подразумевает одно обязательное условие: ты всегда должен быть в ресурсе. Всегда способен придумать что-то интересное. Свежее. Креативное.

Всегда. А человек — живой. Он не может бесконечно генерировать вдохновение.

Бывают дни, когда душу Людмилы наполняло отчаяние.

Когда она смотрела на экран и думала: *я плохой дизайнер*.

Когда ей казалось, что она делает только шаблонные вещи, что никакого настоящего креатива ей и не снилось.

Это были мысли, знакомые любому творческому человеку — ранимому, тонкому.

Но когда твою работу называют «полным дерьмом»,

когда тебя заставляют сомневаться не в решении, а в способностях,

когда целенаправленно бьют по самооценке —

нужно очень много сил, чтобы не сорваться в панику и безысходность.

Когда закрадывается подозрение:

А есть ли у тебя вообще способности?

Если тебя никто не оценивает по достоинству?

Людмила сидела перед монитором, и внутри медленно росла тяжесть.

Она не плакала. Она держалась.

Но понимала: если позволить этому продолжаться — что-то в ней начнёт гаснуть.

А гасить в себе огонь — самое страшное.

Она закрыла файл. Сохранила. Открыла новый документ в Ворде.

Напечатала - Заявление. Коротко. Чётко. По собственному желанию.

Без обид. Без объяснений. Пальцы печатали спокойно. Могут уволить сразуЮ даже не заставить отработать положенный срок, с теми, кто решил уходить в их компании поступали жестко, отрубали сразу, как ненужное уже.

Это был не порыв. Это было напоминание себе: *я могу уйти*.

Она распечатала лист. Сложила аккуратно. Положила в папку.

Не для того, чтобы завтра отдать. А для того, чтобы перестать чувствовать себя загнанной.

Иногда свобода — это просто знать, что дверь существует.

Домой она шла медленно.

Снег ложился на плечи. В квартире было тихо.

Скромная кухня. Тепло батарей. Запах борща, который она варила вчера.

Она сняла пальто. Поставила чайник.

Села за стол. Достала папку.

Посмотрела на лист. И впервые за день почувствовала спокойствие.

Не из гордости. Не из упрямства. Из достоинства.

Она не обязана терпеть унижение. Но и бежать — не обязана.

Она сама решит. Лист лег в ящик стола.
В груди стало легче.
Антон в это время сидел в кабинете и смотрел в окно.
Его раздражало собственное состояние.
Бесит. Почему он вообще думает о ней?
Она — рядовой дизайнер.

Обычная. Спокойная. Без дорогого маникюра, без демонстративной сексуальности.
Он любил других женщин. Красивых. Ухоженных. Дорогих. Презентабельных.

Таких, чтобы ими восхищались.
С такими всё понятно. Статус. Игра. Ночь. Утро без обязательств.
Тогда какого... хрена он думает о своём дизайнере? Что за блажь?
Она никто. Не его уровень. Не его тип. Выкинуть. Забыть.
Но мысли возвращались.
А хотелось — её.
Её взгляда.

Её мягкого спокойствия.

Её тепла.
Её строгая блузка. Простая.

Но под ней угадывается аккуратная, живая женственность.

Бесконечные ноги. Изящные щиколотки.

Длинные пальцы без маникюра.

Пухлые губы.
Хотелось не игры. Хотелось обнимать. Хотелось чувствовать, как она перестаёт быть сдержанной. Хотелось заглянуть глубоко в женщину и понять, что же там такое.

Он резко встал.
Хватит. Он привык брать то, что хочет.
Почему сейчас должен сомневаться?
— Машину к входу.
Через пять минут он уже сидел на заднем сиденье.
— Адрес.

Машина тронулась. Сегодня. Без намёков. Он скажет прямо:
Пожинайте со мной. Сейчас. Не как сотрудник.
Если откажет — он примет.
Если согласится — дальше будет продолжение.
Машина въехала в её двор.
Обычный район. Он вышел. Подошёл к подъезду. Нажал на домофон.
И впервые за долгое время его пульс был чуть быстрее обычного.
От автора:

Да, события развиваются. Наша героиня захотела почувствовать вкус свободы — пусть пока тихо, внутри себя.

А у вас были в жизни моменты, когда вы вдруг ясно понимали:

если останусь — во мне что-то начнёт гаснуть? Что вы тогда выбрали — бороться... или уйти?

Мне правда важно услышать вас. Я читаю каждый комментарий.

Глава 7 — «Не билет в рай»

Людмила переделалась в домашнюю футболку и короткие шорты.

Тонкая ткань, открытые ноги, теплые белые носочки в горошек на холодном полу.
Звонок в домофон.

— Впусти.

Он.

Не просьба. Она секунду колебалась. Потом нажала кнопку. Антон сам поднялся на этаж.

Когда двери лифта открылись, он вышел — слишком дорогой для этого подъезда, слишком собранный, слишком желанный. Пальто идеально сидит.

Ботинки блестят.

Парфюм густой, тёплый, обволакивающий.

Он был красивым. Опасно красивым.

Упрямые губы.

Резкий профиль.

Тот самый взгляд, от которого внутри что-то сжимается.

— *Нельзя так думать.*

— Такие мужчины не приходят к таким женщинам, как я, — подумала Люда.

— Добрый вечер, Антон Сергеевич. Чем обязана? — спокойно спросила она, даже немного официально. Как будто они еще в офисе.

Он окинул её взглядом. Футболка. Шорты. Голые ноги. Глаза стали темнее.

— Нам нужно поговорить.

— Мы можем поговорить здесь.

Он сжал челюсть.

— Давай в более комфортной обстановке? В ресторане.

— Нет, спасибо.

Тишина. Он прожигал её взглядом.

— Ты даже не хочешь понять, что я предлагаю?

— Я поняла.

— Нет, — резко.

Она молчала. Он шагнул ближе.

— Я предлагаю тебе другой уровень жизни. Другой круг. Другие возможности.

Он говорил уже жёстче.

— Ты живёте в этой... — он сдержался, но взгляд скользнул по тесному коридору. —
Квартире.

Это было сказано очень пренебрежительно. Она спокойно ответила:

— Мне хватает.

Его терпение дало трещину.

— Хватает? Серьёзно? Ты думаешь, такие предложения, как мое делают часто?

Она не отводила глаз.

— Я не считаю это предложением.

Он усмехнулся. Резко.

— Тебе уже не двадцать, Людмила.

Слова прозвучали грубо.

— И такими шансами, не разбрасываются.

Она медленно вдохнула.

— Такие как я?

Он понял, что перегнул. Но отступить уже не хотел.

— Ты мне интересна. Я могу дать тебе больше.

Он говорил раздражённо, как будто объяснял очевидное ребёнку.

— Квартира в центре. Машина. Отдых. Вещи. Свобода от вечной гонки за зарплатой.

Повышение, если захочешь. Или можете вообще не работать.

Он смотрел на неё пристально.

— Это билет в рай по сравнению с тем, где ты сейчас.

Она слушала спокойно. Очень спокойно. И от этого он злился ещё больше.

— Мне не нужен рай, купленный чужими деньгами, — спокойно сказала она.

Он вспыхнул.

— Это не «купленный». Это забота!

— Нет, Антон Сергеевич. Это сделка.

Тишина стала плотной. Он шагнул почти вплотную. Слишком близко.

Она чувствовала тепло его тела, тяжёлый, дорогой аромат, который смешивался с холодом её прихожей.

Он смотрел на неё сверху вниз. Глаза потемнели.

— Ты не понимаешь, — тихо произнёс он, сглотнул.

Она не отступила. Тогда он медленно поднял руку.

И мягко провёл ладонью по её щеке. Кожа к коже. Тепло. Живое. Опасное.

Её дыхание на секунду сбилось. Но она не отвела взгляда.

— Я ведь могу не спрашивать, — сказал он почти шёпотом. — Могу просто взять то, что хочу.

Пауза. Его пальцы задержались у её подбородка.

— Но не буду.

Взгляд стал жёстким.

— Потому что с дурами я ничего общего не имею. Даже в постели.

Слова ударили сильнее прикосновения. Он убрал руку.

Она стояла прямо.

— Тогда вам стоит уйти, — спокойно ответила она.

Ни дрожи. Ни истерики. Только ясность. Он сжал челюсть.

Его терпение лопнуло.

— Очень скоро ты пожалеешь, — резко бросил он. — Такие как ты обычно понимают слишком поздно.

Слово повисло между ними. Она выдержала паузу.

— Возможно.

Его лицо потемнело.

— Тебе 30 лет, через 5-7 лет ты будешь уже никому не нужна. Сейчас самый момент, чтобы принять, то что я тебе предлагаю.

Он развернулся. И резко вышел.

Дверь хлопнула. Шаги по лестнице. Тишина.

Людмила стояла в маленькой прихожей, чувствуя, как на коже всё ещё хранится тепло его ладони.

Сердце билось быстро. Очень быстро. Он был желанным. Опасно желанным.

Он был беспощадным. Он ранил её очень сильно последними словами, сильнее даже чем она могла бы себе признаться.

Но она не собиралась становиться чьим-то трофеем, трофеем к которому очень быстро потеряют интерес.

Она закрыла дверь на замок. И только тогда позволила себе выдохнуть и заплакать.

— Вот, урод! — от этого понимания стало легче. Пускай идет подальше со своими предложениями.

Она будет дурой, честной и унылой дурой. Ничего с собой поделать она не могла.

От автора: Дорогие друзья, не забывайте, пожалуйста, ставить звездочки на главной странице книги, и подписываться на автора. Посылаю вам лучики добра и тепла))))

От автора: Друзья, наша героиня была перед выбором или все-таки выбора у нее не было?

А вы бы приняли предложение Антона?

Мне правда важно услышать вас. Не забывайте ставить звездочки на главной странице книги и подписываться на автора. Это для меня очень важно.

Глава 8 — «Подмена»

Антон сел в машину и резко захлопнул дверь.

— Домой, — коротко сказал водителю.

Несколько секунд он смотрел в темноту за окном.

Пuls постепенно выравнивался. Злость отступала.

Сейчас, когда расстояние между ним и её подъездом увеличивалось, эмоции начали остывать. Что это было вообще?

Он не понимал собственных порывов. Получить то, что ему не нужно.

Рядовой дизайнер. Скромная квартира.

Футболка и шорты. Он открыл телефон.

Рабочие переписки. Контракты. Цифры. Согласования.

Рационально. Чётко. Понятно. Вот его мир.

Но где-то на подкорке крутился образ её голых ног. Домашние шорты. Белая ткань футболки.

— Да бл...ь, что же это такое?

Никогда его не тянуло на «домашние» образы.

Его привлекали ухоженные, отшлифованные, дорогие женщины.

А не босые ступни в узкой прихोजей. Он резко набрал номер.

— Яна.

— Да, Антон.

— Подбери мне девочку на сегодня.

Пауза.

— Какая?

Он выдохнул.

— Высокая. Стройная. Длинные ноги. Домашние шорты. Футболка. Белые носки.

Тишина на линии.

— Типаж как я люблю. И чтобы могла поддержать разговор. Про дизайн. Про художников.

Он усмехнулся сам себе.

— Сегодня.

— Поняла.

Он откинулся назад.

Всё нормально. Это просто помешательство. Спермотаксикоз. Сегодня полегчает.

Дом встретил его тишиной и панорамным видом ночной Москвы.

Свет включался автоматически. Дерево. Стекло. Пространство.

Через сорок минут девушка уже была у него.

Милая. Юная. Красивые ноги. Аккуратная.

В футболке. В белых носках. Всё как он сказал. Она улыбалась старательно.

Смотрела восхищённо. Говорила про искусство, которое, очевидно, прочитала по дороге.

Он снял напряжение. Физически — да. Тело получило своё. Но внутри было пусто.

Он лежал, глядя в потолок. Рядом тихо дышала девушка. Слишком юное лицо.

Слишком податливое. Слишком легко. Ему хотелось другое.

Упрямый взгляд. Спокойствие.

Женщина старше. На десять лет старше этой. Другие глаза. Не восхищённые.

А равные.

— Да бл...ть, что происходит с тобой, мужик?

Он резко сел. Ты совсем с ума спятил? Забудь.

Это всего лишь тело. Как сотни других. Он посмотрел на девушку.

И понял — нет. Не то. Потому что дело не в теле.

Дело в том, что она ему отказала. И он хочет не просто обладать.

Он хочет, чтобы она выбрала. Добровольно. А это уже совсем другая игра.

Он встал. Подошёл к окну. Город мерцал огнями. Всё под контролем.

Кроме одной женщины в домашней футболке.

— Бесит...

Но мысль о ней не уходила.

Он и вдруг понял, что это чувство ему уже знакомо.

Не женщина. Не отказ. А вот это — выбитое дыхание. Сбой в системе. Когда мозг говорит одно, а нервная система — совсем другое.

И память сама потянула его назад.

Отцовский дом. Огромный. Холодный. Идеально выверенный. В нём всё стояло по линии — мебель, люди, ожидания.

Отец хвалил только за результат. За цифры. За победы. За правильно решённую задачу.

— Молодец, — сухо.

И всё.

Мать... мать любила статус. Платья. Приёмы. Правильные фамилии за столом. Тепла в ней не было — только лоск.

В шестнадцать у него было больше репетиторов, чем друзей. Экономика. Обществознание. Языки. Стратегия. Его растили не мальчиком — проектом.

И среди всех этих людей была она.

Анджела Викторовна.

История искусств. Пепельные длинные волосы. Тонкие очки. Спокойный голос. В её лице было что-то мягкое. Что-то живое. Она не смотрела на него как на будущего наследника. Она смотрела — как на человека, в котором видела душу и сознание. Человека, который сможет оценить мощь векового искусства. Она рассказывала ему с таким увлечением о пирамидах, православных иконах, о мировых шедеврах живописи и художниках, не сухо, а очень интересно, так, что не было сомнений — она знакома со всем этим близко, любит и ценит и хочет научить любить и ценить его.

Смешно. Он был талантливый ученик. Он научился любить и искусство и ее.

Он тогда влетел в неё по уши.

Сидел напротив, слушал про Египет, про Нил про пирамиды — и не слышал ни слова. Он видел только её губы, когда она делала паузу перед новой фразой. Как она переводила дыхание. Как поднималась грудь под строгим платьем.

Организм реагировал раньше мозга. Сердце билось так, будто он бежал стометровку. Ладони становились влажными. Он сжимал кулаки под столом, чтобы не выдать себя. Прикрывал низ учебником. Он возбуждался от пары слов, только посмотрев на ее губы. Это было пыткой с одной стороны, но и удовольствием с другой. Бедная его кровать и подушка ночами, сколько же им пришлось пережить сексуальной, подростковой агрессии.

— Вы меня вообще слышите? — однажды спросила она.

Он только сглотнул и отвёл глаза.

Конечно она всё видела. Расширенные зрачки. Сбитое дыхание. Его глупую, яростную юношескую влюблённость.

Ей платили хорошие деньги. Контракт был строгий. Никаких личных отношений. Никаких границ за пределами урока. Но у них ничего и не было, Антон яростно все отрицал.

Но ночами сходил с ума.

Его буквально колотило. Он лежал в темноте, смотрел в потолок и представлял, как однажды станет взрослым, заработает сам, уйдёт из дома, заберёт её, женится на ней. Он все-

рьёз собирался сбежать. Работать где угодно. Лишь бы быстрее исполнится восемнадцать и можно будет сказать: «Я могу».

Он даже начал зубрить историю искусств до фанатизма. Читал дополнительные материалы, запоминал даты, стили, сравнивал школы. Не потому что любил искусство.

Потому что хотел впечатлить её.

Хотел, чтобы она посмотрела на него иначе. Не как на мальчишку.

И он действительно стал разбираться. Отец однажды устроил ему внезапный экзамен и даже удивился.

Летом их отправили в Рим вдвоем.

Две недели. Ватикан. Колизей. Узкие улицы. Камень, который дышит веками.

Это было самое счастливое время его шестнадцати лет.

Они жили в соседних номерах какого-то отеля. Завтракали вместе. Ходили по музеям. Он слушал её бесконечные рассказы и чувствовал себя живым. Не проектом. Не наследником. А просто мальчиком рядом с женщиной, которая ему нравится. Она очень увлекалась сама искусством и увлекала его. Она была красива в свои 30 лет и стройна. Он был порывист.

И всё закончилось в один вечер.

Он не выдержал.

Попытался поцеловать.

Это был не расчёт. Не стратегия. Это была юность, кипящая кровь, гормоны и отчаянная потребность быть выбранным. Просто не осталось сил сдерживаться, а она были слишком близко, они вышли из кафе после ужина и не спеша шли по мостовой. Она немного устала на каблуках и попросила опереться о его руку, уже тогда он был выше ее на полголовы и гораздо шире в плечах. И когда это прикосновение случилось, вся выдержка покинула Антона, он выдохнул, склонил голову и попытался дотронуться до ее губ.

Она отстранилась.

В её глазах было не возмущение — понимание. И жалость. Он так хотел увидеть ответные чувства, а увидел жалость. Его это очень сильно отрезвило.

Поездку прервали. Она честно рассказала родителям. Контракт запрещал любые намёки. Штрафы были огромные. Она выбрала уйти и забрать денежную компенсацию за несколько месяцев не проведенных уроков, потому что сказала правду. Прекратила на корню больной зародыш чувств.

Он остался.

В огромном холодном доме.

И тогда он впервые понял: чувства к женщине — слабость. Их надо гасить. Если ты не хочешь видеть жалость в глазах, нужно чтобы тебя любили и хотели, а ты только выбирал.

Он пережил. Отвлёкся. Машина на восемнадцатилетие. Экономика. Бизнес. Цифры. Девушки без сложностей. Без глубины. Без угрозы.

Всё стало понятным. Управляемым.

И вот сейчас...

Он снова чувствовал то же самое.

Сбой дыхания. Невозможность уснуть. Навязчивый образ. Не тело даже — взгляд. Спокойный. Равный. Не восхищённый.

Люда не смотрела на него как на трофей.

Она смотрела как Андже́ла Викторовна тогда — прямо. Без придыхания. Без поклонения.

И его это ломало.

Почему мозг так реагирует? Почему сердце бьёт быстрее? Почему нервная система будто включает тревогу и возбуждение одновременно?

Это не про секс.

Это про то, что рядом с ней он снова не контролирует ситуацию.

Снова мальчик.

Снова хочет, чтобы выбрали его.

Он усмехнулся, глядя в ночной город.

— Тебе шестнадцать, что ли, Антон?

Но внутри было беспокойно.

Потому что если тогда он мог закрыть это машиной, деньгами, работой — то сейчас что-то подсказывало: эта женщина просто так не уйдёт из его головы.

И это злило сильнее всего.

От автора: Девочки, скажите, почему нас так тянет к тем, кто напоминает первую настоящую любовь — даже если разум кричит «Опасно»? Скажите честно — это про гормоны или про память сердца?

Мне важно слышать вас.

Если откликается — напишите пару слов и поддержите книгу ☆ на главной странице

И еще, поздравляю, дорогих защитников с 23 февраля ♥#

Пусть в вашей жизни будет не только сила, но и тепло.

Не только ответственность — но и тот самый человек, рядом с которым можно быть настоящим.

Желаю всем защитникам мужества — не только внешнего, но и внутреннего.

Смелости любить.

Смелости выбирать.

Смелости говорить о чувствах.

Смелости совершать правильные поступки.

Пусть рядом будет женщина, которая вдохновляет.

Пусть ваши решения будут твёрдыми, а сердце — живым.

Берегите тех, кто вас ждёт.

И пусть всегда будет куда возвращаться.

С праздником ##

Глава 9 — «Помутнение»

Глава 9 — «Помутнение»

Совещание началось спокойно.

Проектор гудел. Маркетинг листал таблицы. Дмитрий сидел ближе к Люде, чем нужно, время от времени что-то уточнял у неё шёпотом.

Антон вошёл последним.

Сел.

— Начинаем.

Когда очередь дошла до визуала, он коротко кивнул:

— Людмила.

Она встала.

Взяла указку.

Начала говорить.

Антон слушал её голос и не понимая смысла. Словно разучился говорить по-русски.

Слова проходили мимо. Смотрел, как двигаются её губы.

Как поднимается одна бровь. Как она чуть хмурится, когда сбивается.

Сбилась, наверное, от его взгляда. Потому что слишком пристально.

Не мог отвести глаз. Залип. В тягучую магию.

Магию притяжения женщины. Всё так просто и понятно.

Это моё. Этот рот. Руки. Женщина.

Она поворачивается, чтобы взять указку.

Юбка мягко обрисовывает линию бёдер.

Становится некомфортно. Что я делаю, на х...р? Что со мной происходит?

Ему хочется рисовать её.

Хочется провести по этим линиям руками.

Что за тяга? Что за наваждение? Она смотрит на часы. Заканчивает выступление.

Она возвращается на место. Антон делает паузу.

— Принято. Буду ещё думать.

Без похвалы. Без эмоций. Она кивает:

— Хорошо.

Совещание заканчивается.

Антон встает. Идет за ней.

Зачем? Что ей скажет? Это помутнение.

На лестнице её перехватывает Дмитрий.

— Люд, по поводу вчерашней идеи... — тихо.

Касается её локтя. Слишком близко.

— Что скажешь? — спрашивает он.

— Спасибо, — спокойно отвечает она.

— Этого мало.

— Тогда ничего не нужно.

И уходит. Еще одна дизайнер из отдела рядом. Они идут в сторону курилки.

Люда не курит. Она просто стоит рядом. Говорит что-то.

Антон не слышит. В груди жжёт. Что это?

Ревность? Да ну. Он такого не хочет.

Не принимает. Уберите.

Я не заказывал.

Антон идет к Дмитрию.

— Зайди ко мне.

И когда Дмитрий заходит и садится напротив.

Разбирают его отчёты.

— Ты тут просел. Здесь цифры не сходятся. А это вообще слабая проработка.

Он бледнеет.

— Я исправлю.

— Если не исправишь — премии не будет.

Смотрит на него жёстко. Думает.

Чего я завёлся?

Можно было мягче.

Выходит. Курилка почти пуста. Люда стоит одна. Обхватила себя руками.

Задумалась. Заходит. Она поворачивается. Смотрит вопросительно.

Из него льётся желание.

— Ты специально меня выводишь? — тихо говорит.

Она спокойно отвечает:

— Я не понимаю, о чём вы.

— Всё ты понимаешь.

Антон подходит ближе. Достает из кармана ключи. Протягивает.

— Приходи сегодня. Просто поговорим. Она смотрит на ключи.

— Где?

— У меня.

— О проекте можно говорить в офисе.

— Да хватит, — тихо, но жёстко. — Ты чувствуешь это. Я чувствую.

Её губы слегка приоткрываются. Ему хочется впитаться в них. Жадно.

Он устал предлагать.

Никогда так долго не предлагал.

— Нет, — отвечает она. — Давайте соблюдать границы.

Его передёргивает.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Да бл...ть.

Как до нее достучаться?

Может, с глаз долой — из сердца вон?

Смогу забыть, если не видеть? Понимает — нет.

Шорты и босые ноги всё ещё перед глазами. Напасть какая-то. Убирает ключи.

— Ладно. Посмотрим, как ты заговоришь чуть позже.

Она спокойно смотрит.

— Вы мне угрожаете?

Усмехается.

— Нет. Предупреждаю.

Разворачивается и уходит. Рабочая поездка скоро. Уедет. Остынет.

Может, перевести её в филиал? Или уволить? Вытащить занозу?

И вдруг память снова вытащила то время.

Ему было почти семнадцать. Почти год прошёл с исчезновения учительницы по истории искусств, а ощущение было такое, будто вырвали кусок изнутри. Он действительно изнывал. Не хотелось идти в гимназию. Репетиторы раздражали. Экономика казалась бессмысленной. Он впервые чувствовал пустоту не как скуку — как потерю.

Это была смесь всего: пубертат, гормоны, жажда любви, нехватка тепла, которого он никогда не получал дома. Он хотел не просто женщину. Он хотел, чтобы его обняли. Чтобы выбрали. Чтобы сказали: ты мне нужен.

И тогда он решил её найти.

У него был друг — Лёха, тихий гений из параллельного класса. Парень, который умел «копать» базы, находить людей по обрывкам данных. Антон заплатил ему. Не как другу — как специалисту. Он тогда уже умел решать вопросы деньгами.

Через пару недель у него был адрес. Новое место работы. Частная школа рисования в Москве. Съёмная квартира в старом доме недалеко от центра.

Когда он впервые приехал к её подъезду, у него тряслись руки.

Он ждал несколько часов.

Лето. Жара. Асфальт плавился. Он вспоминал, как она поправляла очки, как говорила «эпоха Возрождения» с особенной интонацией. Как пахли её духи.

И вдруг она появилась.

Не в строгом костюме. Не с убранными волосами. Не с холодной сдержанностью.

На ней был лёгкий летящий сарафан. Волосы распущены. Очков не было. Она смеялась — открыто, громко, по-девичьи. Казалась моложе, живее, свободнее.

У него буквально выбило воздух из лёгких.

Это была не учительница. Это была женщина. Настоящая. Тёплая. Земная. И одновременно недостижимая.

Он шагнул вперёд.

Он всё продумал. У него уже была накоплена приличная сумма — карманные деньги, инвестиции, даже пара мелких сделок. Он нашёл, где мог бы работать. Он был готов сказать: подожди год. Мне исполнится восемнадцать. Я всё устрою.

Он правда в это верил.

И в этот момент к подъезду подъехала машина.

Из неё вышел высокий мужчина. Уверенный. Статусный. С огромным букетом цветов. Он подошёл к ней сзади, она взвизгнула от радости и буквально повисла у него на шее.

Мужчина поднял её легко, как будто она ничего не весила, поцеловал — жадно, глубоко. Рука уверенно легла ниже талии прямо на ягодицы. Она только засмеялась, прижалась ближе.

Антон стоял в нескольких метрах и смотрел.

Сначала было недоумение.

Потом — резкая, почти физическая боль.

Не потому что этот мужик выглядел сильнее. Не потому что он испугался. Он не испугался.

А потому что образ рухнул.

Та, кого он боготворил, кому приписывал почти небесную чистоту, оказалась живой женщиной. Со страстью. С телом. С мужчиной.

И вдруг стало ясно: он любил не её. Он любил свою фантазию.

Он почувствовал, как что-то внутри резко щёлкнуло.

Если женщина выбрала другого — это её выбор. И это не его война.

Он не стал устраивать сцен. Не стал подходить. Не стал драться. Не потому что побоялся. А потому что в одну секунду всё перегорело. Да и шансов у него тогда против этого шкафа не было никаких, если честно.

Как будто отшептало.

Он развернулся и ушёл.

По дороге домой он впервые подумал холодно: чувства делают слабым. Они лишают концентрации. Они выбивают из траектории. На них тратишь слишком много сил.

Больше он так не позволит.

И, возможно, именно тогда родился тот Антон, которого знали все — рациональный, расчётливый, выбирающий первым, чтобы не быть выбранным последним.

Сейчас, спустя годы, стоя в стеклянном офисе, он вдруг понял: Люда опасна именно поэтому.

Она снова заставляет его чувствовать.

От автора: Привет, дорогие читатели, у меня опять к вам вопрос, который не дает мне покоя: Когда идеал рушится в юности — мы вырастем... или просто начинаем бояться быть отвергнутыми? Как вы думаете?

Глава 10 — «Тихо. Чтобы никто»

Дмитрий несколько дней ходил вокруг Люды кругами.

После того, как Антон Сергеевич вызвал его к себе и холодно прошёлся по отчётам, стало ясно — босс недоволен.

И недоволен не только цифрами. Дмитрий не был глупым. Он видел, как Антон смотрит на Люду. Слишком долго. Слишком внимательно. И это нервировало.

Тягаться с таким мужчиной — себе дороже.

Но и отступать Дмитрий не хотел. Люда ему нравилась. Не как трофей.

Не как офисная интрижка. Она была другой — спокойной, мягкой, с каким-то внутренним светом. И чем холоднее становился Антон, тем сильнее Дмитрия тянуло к ней.

Вечером он подошёл к её столу.

— Люд... можно на минуту?

— Да, конечно.

— Не здесь. Пойдём кофе выпьем? Тут рядом новое место открылось.

Она задумалась на секунду.

— Хорошо. Ненадолго.

Он выдохнул.

В кафе было тепло, приглушённый свет, тихая музыка. Они сели у окна.

Дмитрий говорил сначала о работе. Потом о выставке современного искусства.

Потом осторожно:

— Люд, можно честно?

Она посмотрела спокойно.

— Можно.

Он накрыл её руки своими. Её пальцы были тёплые. Без маникюра. Настоящие.

— Ты мне нравишься.

Она не выдернула руки. Но и не сжала его в ответ.

— Я это чувствую, — тихо сказала она.

— Я не хочу, чтобы в офисе об этом знали. Особенно... — он запнулся.

— Особенно кто?

— Ты понимаешь.

Да. Она понимала.

— Боссу это не понравится, — добавил он.

И в этом признании было больше расчёта, чем романтики.

— И что ты предлагаешь? — мягко спросила она.

— Давай попробуем. Просто встречаться. Спокойно. Без афиширования. Посмотрим, что получится.

Он смотрел ласково. С надеждой. И немного с жадностью. Потому что думал — она согласится. Она же не избалованная вниманием. Не роковая женщина. Обычная.

Такие соглашаются. Когда они вышли на крыльцо кафе, воздух был прохладным. Дмитрий снова взял её за руки.

— Люд...

Наклонился. Попробовал поцеловать.

Его губы почти коснулись её. Она мягко повернула голову.

— Дима...

— Что?

— Не сейчас.

Он улыбнулся, чуть нервно.

— Тогда поедem к тебе? Посидим. Чай, кино... Я не кусаюсь.

Он уже представлял, как всё будет просто. Спокойно. Без борьбы. Она вызвала такси в приложении.

— Я правда устала. Сегодня тяжёлый день.

— Люд...

— Встретимся завтра на работе. Она сказала это без холодности. Без обиды. Но и без приглашения. Такси подъехало. Она села. Дмитрий остался стоять на тротуаре. Разгорячённый. Озадаченный. Он был уверен, что всё пойдёт легче.

Что достаточно мягкости, комплиментов и немного настойчивости. А тут — стена. Не грубая. Не резкая. Но непробиваемая.

Он смотрел вслед машине и думал:

А может, она и правда уже занята?

И если занята... то кем?

И почему тогда Антон смотрит на неё так?

Дмитрий впервые почувствовал не просто интерес. А тревогу. И лёгкую, неприятную ревность.

Глава 11 — «Тихая жизнь»

Утром Дмитрий написал первым.

«Люд, мне кажется, вчера всё как-то неловко закончилось. Ты меня не так поняла. Я серьёзно настроен. Давай поговорим?»

Она долго смотрела на экран.

Потом пришло ещё одно сообщение.

«Мне 35. Я не ищу развлечений. Я хочу семью.. Не хочу тебя терять, даже не начав.»

Люда медленно выдохнула. Семью. Ей тоже уже не двадцать.

Она поймала себя на мысли, что устала быть одной. Устала всё решать сама. Устала быть сильной там, где хотелось быть просто женщиной.

Дима — хороший. Понятный. Предсказуемый. С ним не страшно. С ним не горит под кожей. И, может быть, это правильно. Может, так и строится семья — не на пожаре, а на тепле.

Может быть если будет в ее жизни Дима, то и Антон успокоится?

Но прежде чем отвечать, она честно подумала о главном. Если начинать — то сразу говорить о себе правду.

О своих «тараканах». О том, что она не может иначе.

Если у мужчины нет терпения ждать близости до брака — пусть лучше не тратит время.

Она не девочка. И не наивная. Просто внутри — глубокие, вшитые с детства моральные устои. Не показные. Не для галочки. А настоящие.

Она уже однажды переступала через себя. И дорого заплатила. В памяти всплыл первый брак.

Глупый. Быстрый. Счастливый. Как она сияла. Как верила.

Как держала в руках первый снимок УЗИ. Как плакала от радости. А потом — больница.

Тишина. Потеря ребёнка. И муж, который не справился.

Запил. Сломался. И потом погиб. Она закрыла глаза.

Нет.

Эти воспоминания нельзя долго трогать. Нужно жить дальше. Дима — хороший вариант. Спокойный. Если честно поговорить.

Если он выдержит её принципы.

Если ему нужна именно она, а не просто удобная женщина рядом.

Она написала:

«Дима, я готова попробовать. Но сразу предупреждаю — у меня очень старомодные и строгие взгляды на секс до брака. Если это для тебя проблема, лучше сказать сейчас.»

Отправила. И отложила телефон.

И в этот момент в сознании вспыхнуло другое лицо. Антон.

С ним всё иначе. Остро. Нервно. Непредсказуемо. Её к нему тянет. И пугает одновременно.

Она даже не представляет, как можно с ним спокойно разговаривать. Всё внутри дрожит.

Горячит. Когда она вспоминает его руки. Ключи.

Его взгляд — внимательный, хищный, обещающий что-то запретное.

Что-то запредельное. Страшное. И притягательное.

Что-то что тянет вниз тяжестью, наливаются кровью, требует наполниться, требует сильных и властных объятий, голодных поцелуев, чтобы отдаться всей без остатка. Чтобы впитать, раскрыться, сгореть и восстать из пепла. Но это только одна маленькая сторона жизни. Есть еще куча других, где мужчина должен быть добрым и честным, брать ответственность и дальше вести по жизни уже их семью.

Но Антон никогда не женится на ней. Такие мужчины не создают тихую семью.

Они берут, если их кто-то заинтересовал, а потом остывают. И идут дальше.
Значит — думать о нём не стоит. Нужно выбросить из головы.
У неё в столе лежит заявление об увольнении. Если уйти...
Тогда можно спокойно строить отношения с Димой. Выйти замуж. Родить ребёнка.
Быть тихо счастливой. Это хорошая мысль. Нужно искать место.
Тихое. Спокойное. Она открыла сайт вакансий. Активировала резюме.
Обновила портфолио. Добавила новые макеты. Отправила несколько откликов.
Да. Это правильное решение. Новая работа — новая жизнь. И тогда образ Антона померкнет. Без его власти. Без харизмы. Без напора. Без этой опасной страстности.
Без его вызова и скрытых угроз. Он не будет над ней властен.
Она будет свободна. И сможет выбрать спокойствие.
Ночью ей приснился сон. Антон стоял напротив.
Слишком близко. В его руках — обручальное кольцо.
Он надевал его на её палец. Она не хотела, он настаивал.
Слишком туго. Кольцо будто впивалось в кожу. Тянуло вниз. Рука начинала гореть.
Потом — всё тело. Сладкое напряжение скручивало её, лишая дыхания.
Мужские руки обвивали. Заполняли пространство. Губы захватывали в яростном поцелуе.
Она падала в тёмный омут — и проснулась. Опустошённая. Сердце колотилось.
Тело всё ещё помнило жар сна. Что это за распушенность? Ей такое не свойственно.
Да, овуляция. Да, она не может спокойно смотреть на конкретные мужские руки, потому что ей хочется почувствовать их на себе. Ее тело голодное, она вся как тетива лука, дрожит и вибрирует. Но это все не повод терять голову. Тело отдельно, а разум отдельно. Нужно слушать только свое сердце. Оно не соврет.
Да, тело натянуто как струна. Но такие сны...
Впервые. Она села на кровати. Нужно срочно что-то менять. Так продолжаться не может.
Либо она выберет покой. Либо этот огонь её сожжёт. И она не уверена, что сможет удержаться долго.

Глава 12 — «Собственник»

Антон ехал на встречу.

Машина мягко скользила по вечерней Москве. Водитель молчал, музыка играла тихо.

Антон просматривал рабочие документы, когда краем глаза увидел знакомую фигуру.

Два квартала от офиса. Люда. И Дмитрий.

Дмитрий стоял слишком близко. Держал дверь своей машины открытой.

Говорил что-то, наклоняясь к ней. Люда слушала. Спокойно. Почти мягко.

А потом позволила ему взять себя за руку. В этот момент внутри что-то оборвалось.

— Останови, — резко бросил Антон.

Машина притормозила. Но он уже видел достаточно. Дмитрий склонился ближе.

Слишком близко. Антон почувствовал, как в груди поднимается волна.

Глухая. Тяжёлая. Ярость.

Моя.

В голове пульсировало только одно:

Какого х...ра? Он откинулся на спинку сиденья. Дыхание стало жёстким.

Дмитрий.

Этот аккуратный, исполнительный, посредственный менеджер. Рядом с ней.

Трогает её. Смеет. Антон представил, как легко можно всё решить.

Одно распоряжение. Одна проверка. Обвинение в раскрытии коммерческой тайны.

Пара намёков в служебной характеристике.

И Дмитрий больше не устроится в Москве. Никогда. Его можно выжечь из этой сферы.

Выбросить. Стереть. Мысль была мерзкой.

И сладкой. А Люду... Её хотелось наказать иначе.

Он представил, как прижимает её к стене. Как перекрывает любые возражения.

Как доказывает, кто здесь сильнее. По праву силы. По праву мужчины.

Забрать. Сломать сопротивление. Сделать своей.

Даже если сейчас она вертит хвостом с другим. Будет только его.

Эти мысли вспыхивали слишком ярко. И вдруг — пауза.

Он резко выдохнул. Что со мной?

Он всегда считал себя спокойным человеком. Рациональным. Порядочным.

Он не воевал за женщин. Не унижал соперников. Не мстил.

Женщины приходили сами. Легко. Без борьбы. А сейчас...

Он всерьёз думает уничтожить человека из-за женщины, которая ему даже не принадлежит.

Это было не логично. Он закрыл глаза.

Но картинка — Люда у чужой машины — не исчезала. Нужно что-то делать.

Иначе голова лопнет. Вечером он снова позвонил Яне.

— Как вчера. Типаж тот же. Голос звучал ровно.

Спокойно. Через час в его квартире появилась девушка.

Высокая. Стройная. В шортах. В белых носках. Почти копия силуэта из памяти.

Он действовал резко. Жёстко. Почти агрессивно. Девушка старалась. Изображала восторг.

Подыгрывала. Но чем активнее она играла, тем сильнее Антона накрывало отвращение.

К себе. К своей злости. К этой подмене. Не то лицо. Не тот взгляд. Слишком юная.

Он отстранился.

В комнате повисла неловкость. Девушка не понимала, что произошло.

А он понимал слишком хорошо. Это не про тело. Это про неё. Про Люду.

И это уже не просто желание. Это одержимость.

Когда дверь за гостей закрылась, Антон налил себе воды. Долго стоял у панорамного окна. Москва светилась огнями. Он сжал кулаки.

Нужно уезжать.

Закреть пару международных контрактов лично. Взять паузу. Остыть.

Потому что, если остаться — он может сделать глупость.

А глупостей он себе не прощает.

И всё же внутри зудело:

Она не может быть с другим. Этого не должно произойти ни за что.

Глава 13 — «Отсутствие»

Антон Сергеевич стал холодным. Не грубым. Не резким.
Именно холодным.
На совещаниях — сухие формулировки. Взгляд — сквозь.

Ни задержки, ни паузы, ни того тяжёлого, прожигающего напряжения, от которого у неё сбивалось дыхание.

А потом началась проверка. Внутренний аудит. По маркетинговому блоку.
По Дмитрию. Формально — плановая.
Но все понимали — внеплановая. Дмитрий занервничал. Стал дёрганным.
Чаще курил. Ругался шёпотом на цифры.

— Он меня выдавливает, — однажды сказал он Люде. — Это давление.
Люда ничего не ответила. Она чувствовала другое.

Антон уехал. Командировка. Две недели. Без прощания. Без взгляда. Напоследок только обидные слова, глупые, но обидные. Она понимала, что не он это говорил, а его обида.

И вот тогда стало хуже всего. Потому что, когда он был рядом, можно было злиться. Обижаться. Спорить.

А когда его не стало — внутри образовалась пустота.

Ей казалось, что его глаза всё равно следят.

Что он сейчас выйдет из кабинета. Что шаги в коридоре — его.

Она ловила себя на том, что ищет его силуэт среди сотрудников.

Нелепо. Глупо. Больно.

Вечерами Дмитрий старался. Кафе. Кино. Прогулки. Он был внимателен.

Заботлив. Покупал билеты заранее. Открывал двери. Старался рассмешить.

И всё было правильно. Но внутри — пусто. Она сидела рядом. Слушала.

Кивала. А мыслями была далеко. Там, где сейчас её жёсткий, невозможный босс.

Там, где её тревога и её огонь. Дмитрий это чувствовал.

— Ты со мной? — однажды спросил он, остановившись посреди улицы.

— Да.

— Нет, Люд. Ты не здесь.

Она опустила глаза.

— Я стараюсь.

Он вздохнул.

— Мне не нужно, чтобы ты старалась. Мне нужно, чтобы ты была.

Эти слова задели. Но не согрели. Через несколько дней он пригласил её к себе.

— Покажу тебе книги по маркетингу. Ты говорила, что хочешь подтянуть стратегию. И кофе сварю. Настоящий.

Она колебалась. Но решила, что должна дать шанс.

Квартира у него была аккуратная. Стеллажи. Рабочий стол. Кофе. Конфеты.

Сначала они действительно говорили о работе. Потом — о планах.

Потом он пересел ближе. Слишком близко.

— Люд... хватит держать дистанцию.

— Дима, не нужно. Он взял её за плечи.

Попробовал поцеловать. Она отстранилась.

— Я же говорил, я серьёзно.

— Серьёзность не отменяет границ.

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Ты думаешь, я буду ждать годами?

— Я предупреждала.

— Я мужчина, Люд. Мне не восемнадцать.

Он попытался притянуть её к себе сильнее.

Она резко вырвалась.

— Не смей.

— Да что ты из себя строишь? — сорвался он. — Я тебе всё предлагаю честно!

— Честно — это когда слышат «нет».

Её голос дрогнул. Он сделал ещё шаг. Она отступила. Сердце колотилось.

— Ты же не девочка, — бросил он зло.

И в этот момент в ней что-то окончательно оборвалось. Не было больше «хорошего и понятного мужчины». Была обида. Жадность.

Раздражение от отказа. Она схватила сумку.

— Спасибо за кофе.

И вышла. Он что-то крикнул вслед. Она уже не слышала.

На улице холодный воздух ударил в лицо. Слёзы текли сами.

Вера в тихое, спокойное счастье таяла на глазах. Она шла и думала:

Значит, нельзя просто выбрать «правильного».

Значит, спокойствие не равно порядочность. Значит, всё сложнее.

Дома она долго сидела в темноте.

Телефон вибрировал — сообщения от Дмитрия. Она не открывала.

Решение пришло неожиданно ясно. Лучше быть одной.

Чем рядом с тем, кто не слышит. Лучше одиночество. Чем давление под видом заботы.

Она легла, глядя в потолок. И впервые за две недели позволила себе честно признать:

Она скучает. Не по власти. Не по харизме.

А по тому взгляду, от которого внутри оживало.

И это пугало сильнее всего.

Глава 14 — «Лондон»

Лондон встретил его дождём. Тонким, серым, деловым. Именно таким, каким и должен встречать город, где решаются крупные контракты.

График был забит до минуты. Переговоры, согласования, цифры, ужины с партнёрами, новые условия, правки в документах. У него не было ни одной свободной секунды, чтобы позволить себе слабость. Он работал жёстко, чётко, хладнокровно. Как всегда.

И всё же внутри жил тяжёлый ком.

Он давил.

Это была тоска.

По женщине.

Антон поймал себя на слове — «голодно». Именно так. Голодно внутри. Не по еде. Не по телу как таковому. По ней.

Он сидел на заднем сиденье машины, глядя в окно. Лондонские улицы текли мокрым светом. Под зонтами шли пары — кто-то смеялся, кто-то держал друг друга за руки, кто-то просто молча шагал рядом.

И вдруг ему стало непривычно тяжело.

Ему хотелось увидеть её. Просто увидеть. Подойти ближе. Обнять. Провести рукой по щеке. Довезти до дома. Или не до дома — неважно. Просто быть рядом. Снять с неё напряжение. Почувствовать, как она расслабляется.

И да — он хотел её.

Яростно.

Голодно.

С жёсткостью, в которой скапливалась злость последних дней. И одновременно — мягко, глубоко, медленно. Чтобы она звенела от чувств, тянулась к нему, ластилась, доверяла.

Столько желаний сразу вызывало тревогу.

Это было похоже на магнит в одной точке карты. Маленький, почти невидимый. Но от него тянулась нить прямо к его сердцу. Сейчас эта нить была натянута до предела. Ещё немного — и может порваться.

А ему хотелось, чтобы она сократилась.

Очень.

Он никогда не думал, что окажется в таком состоянии. Даже не предполагал. Его жизнь всегда была чёткой: цель — стратегия — действие — результат. Чувства шли фоном. Контролируемым.

А сейчас внутри была пружина.

Снаружи — всё спокойно. Жизнь бизнесмена: переговоры, прибыль, риски, неожиданности, уверенность. Всё знакомо. Всё привычно.

А внутри — напряжение.

И лезла непрощенная мысль: может, он ей просто не нравится? Может, Дмитрий — её типаж? Спокойный, мягкий, «удобный»?

Сердце мгновенно наполнялось жгучей чёрной тяжестью. Взгляд терял фокус. Всё цивилизованное, выстроенное годами, будто вымывалось этой тёмной волной.

Нет.

Всё внутри протестовало.

Людмила не могла быть с Дмитрием.

Это неправильно.

Антон уже чувствовал её как свою. И она это чувствует. Он знал это на уровне интуиции, на уровне тела, на уровне взгляда.

Но вместе с этим он понимал и другое: с такими чувствами легко сорваться. Легко сломаться. Натворить лишнего.

Иногда становилось невыносимо. Казалось, грудная клетка трескается от ревности и неудовлетворённости. От невозможности действовать так, как он привык.

Он привык думать и делать.

А не сидеть с тяжёлой пружиной внутри, которая может рвануть в любой момент.

Мысли всё равно возвращались к Дмитрию. Да, сейчас у того проверки и отчёты. Не до ухаживаний. Но всегда есть «но». И этого «но» хватало, чтобы внутри снова разливалась жгучая чернота.

Антон резко выдохнул.

Нужно заканчивать контракт быстрее.

Возвращаться.

Есть вещи, которые он должен выяснить. Он хотел понять её. Почему она отказывает даже в разговоре? Почему держит дистанцию?

И если причина — Дмитрий...

Он не представлял, как тогда дышать.

Вечером, в гостиничном номере, он долго смотрел на телефон. Иконка с её именем светилась холодным экранным светом. Он провёл большим пальцем по стеклу. Замер. Потом нажал вызов.

Гудки.

Она взяла не сразу.

— Алло?

Сначала в голосе была осторожность. Она явно не поняла, кто звонит. Потом пауза — и узнавание.

— Антон Сергеевич?

И вдруг в интонации проскользнула радость.

Тихая. Но настоящая.

— Лондонский дождь не надоел? — неожиданно спросила она мягко.

Он замер.

— Уже начинаю скучать по московскому снегу, — ответил он.

Она тихо улыбнулась. Он слышал это по дыханию.

И в этот момент стало легче.

Пружина внутри чуть ослабла.

После разговора он открыл расписание рейсов. Первый утренний — в Москву.

Решение пришло быстро.

Он вылетит раньше.

Потому что есть притяжение, которое невозможно игнорировать.

И он больше не собирался делать вид, что его нет.

Глава 15 — «Воскресное утро»

Антон прилетел в Москву ранним утром воскресенья. Самолёт коснулся полосы мягко, почти незаметно, но внутри у него всё равно что-то резко качнулось — как будто нить, натянутая через тысячи километров, наконец ослабла.

Он поймал себя на мысли, что первым импульсом было поехать в офис. Привычка. Логика. Рабочий ритм. Но уже через секунду понял — воскресенье. Людмилы там не будет.

Значит, нет смысла.

Он заехал домой. Быстро. Душ — прохладный, чтобы смыть дорогу и остатки лондонской тяжести. Переоделся: светлая рубашка, тёмные джинсы. Без пиджака. Сегодня не хотелось выглядеть генеральным директором.

Перед тем как ехать к ней, он заехал в свой любимый ресторан. Не потому что был голоден — скорее по инерции. Перекусил почти не чувствуя вкуса. И там же, у входа, увидел цветы.

Нежные. Светло-голубые, с лёгким серым оттенком — почти как её глаза в пасмурный день.

Он не любил банальные букеты. Попросил собрать тонко. Без лишнего. Лёгкий, аккуратный, изящный. В этом было что-то про неё.

Утро в её квартире было совсем другим.

Людмила проснулась поздно. Неделя выдалась тяжёлой: ранние подъёмы, дедлайны, напряжённые разговоры. Хотелось просто поваляться. Не спешить. Не смотреть на часы.

Она перевернулась на спину и несколько минут просто лежала, глядя в потолок. Внутри ещё жило эхо лондонского звонка. Разговор ни о чём — о погоде, о перелёте, о том, как странно звучит дождь в чужом городе. Но в этом «ни о чём» было тепло. Будто через тысячи километров кто-то осторожно коснулся её ладони.

Она улыбнулась самой себе и пошла в душ.

Потом — кухня. Кофе. Блинчики. Тонкие, ажурные, с золотистыми краями. Дом наполнился запахом теста и свежемолотых зёрен. В такие моменты она чувствовала себя спокойно. На своём месте.

На ней были любимые домашние шорты и футболка с котёнком. Без косметики. Волосы заплетены в две небрежные косички.

И вдруг — звонок домофона.

Она замерла.

Никого не ждёт.

— Да?

— Открой.

Голос.

Её сердце пропустило удар.

Она открыла.

Через минуту в дверях стоял Антон.

Не заходил. Просто стоял на пороге. Цветы в руках.

Людмила прислонилась к косяку входной двери и смотрела на него.

Что-то изменилось.

Та же собранность. Та же внутренняя жёсткость. Но в глазах — мягкое мерцание. Тёплое. Непривычное. И в это мерцание хотелось шагнуть.

— И вам доброе утро, Антон Сергеевич. Какими судьбами? — она чуть улыбнулась. — Ещё не прошло семь лет, как вы предрекали, и я не пожалела.

Подкол вышел сам собой.

Он смотрел на неё долго. Почти жадно.

— Зачем вы здесь? — мягче спросила она.

— Тянет, — ответил он коротко.

Она кивнула философски.

— А ну раз тянет... тогда проходите.

Он вошёл. Протянул цветы.

Она искренне удивилась. Букет был тонким, продуманным. Нежным. Ей понравилось — слишком.

— Спасибо... — тихо сказала она.

Поставила в вазу. Обернулась.

Антон стоял посреди комнаты. Обутой.

Она вздохнула про себя. «Ну да, в высших кругах дома не разуваются, я видела в сериалах».

— Проходите на кухню, — решила она разрядить паузу. — Блины будете? И кофе?

Он моргнул от неожиданности.

— Буду.

Маленькая кухня. Крохотный стол. Он сел, чуть согнувшись — пространство не рассчитано на таких мужчин.

Она поставила перед ним тарелку.

Он ел и вдруг поймал себя на странном ощущении: ему хорошо. Просто хорошо. Без борьбы. Без напряжения. Её улыбка была тёплой. В глазах — свет. Она не злилась. Но и не забыла.

Он жмурился от вкуса и всё равно залипал на её ноги в коротких шортах. Его взгляд был почти осязаемым. Как будто скользил по коже.

Люда чувствовала его запах.

Головокружительный. Мужской. Глубокий.

Ей хотелось окунуться в этот запах, как в море, и не выплывать. В нём было что-то личное. Их общее. Невидимая нить.

Она заметила, как рубашка натягивается на его груди при вдохе. И вдруг ей захотелось прижаться к этой груди. Спрятаться.

Она резко одёрнула себя.

Перебор.

Слишком много химии.

Антон чувствовал то же. В какой-то момент они забыли, где находятся. Взгляды сплелись. Тонули друг в друге.

Он протянул руку к её лицу.

Не смог удержаться.

Его пальцы коснулись её щеки. Медленно. Почти невесомо.

Она закрыла глаза.

И сама чуть подалась навстречу, продлевая прикосновение.

Это было интимнее слов.

Будто они уже касаются друг друга гораздо глубже.

Таймер духовки резко пискнул.

Люда вздрогнула.

— Курица... — прошептала она и отступила.

Он смотрел на свою руку с сожалением.

— Люда... — голос стал хриплым. — Я бы хотел...

Он замолчал.

Слова не выстраивались.

Здесь не было привычной схемы. Не было сделки. Не было правил. Всё зыбко. Почти эфемерно.

Он привык к ясности.

А здесь — инстинкты и сердце. И сердце не хотело говорить. Оно хотело касаться.

Людмила стояла у раковины, мыла ложку.

Он подошёл сзади.

Осторожно обнял.

— Я хотел бы начать с начала, — тихо сказал он. — Как будто мы только сегодня познакомились. Ты можешь быть для меня другом? Я хочу иметь такого друга. Который печёт такие блины.

Она медленно развернулась в его руках.

— Могу.

— Значит, то, что я не буду никому нужна через семь лет, тебя не пугает? — спросила она задорно.

Он выдохнул.

— Не пугает. Я тогда сказал глупость. В сердцах. Прости.

Он притянул её ближе.

Она положила щеку ему на плечо.

И они просто стояли.

Долго.

Спокойно.

Антон поднял её лицо пальцем и не целуя провёл губами по её губам — едва касаясь.

Внутри у обоих будто плавилась предохранители. Взрывалось чем-то сладким.

Люда задрожала.

Это её отрезвило.

Она мягко отстранилась.

— Мне нужно выключить духовку, — тихо сказала она.

И ушла к плите.

Антон остался стоять посреди кухни, понимая, что впервые в жизни он не контролирует ни темп, ни направление.

И, странно, ему это нравилось. Хотелось нырнуть в глубину этого тепла.

Глава 16 — «Предел»

Антон едва коснулся её губ — и в ту же секунду понял, что это была ошибка.

Короткое, почти невесомое прикосновение вместо того чтобы успокоить, только разожгло. В голове коротили провода. Дыхание сбилось. В груди что-то шипело, будто замкнуло старую проводку. И ниже — всё бодро и недвусмысленно поддерживало происходящее.

Он хотел по-настоящему.

Не осторожно. Не «как друзья». Не на расстоянии.

Он приблизился снова.

Люда увидела по его глазам — внутри проснулся ураган. Не лёгкий ветер, не игра. Настоящая стихия. Глубокая, мужская, голодная.

И испугалась.

Не его.

Себя.

Потому что падать с Антоном было сладко. Слишком сладко и очень легко, так знакомо, как будто до этого она с ним падала уже не раз. Это было как шагнуть с высоты вниз, зная, что тебя подхватят. Не нужно бороться. Не нужно доказывать. Он сильный, он ведёт, он берёт ответственность.

Но она не могла так.

Внутри неё были устои, вбитые не страхом, а любовью. Бабушка Аня. Её тихий голос. Иконы в углу. Разговоры по вечерам. «Людочка, делай так, чтобы потом не жалеть». И Люда всю жизнь убеждалась — если поступать так, как учила бабушка, сожаления не будет.

А то, что сейчас искрило в маленькой кухне, бабушка вряд ли бы одобрила.

Антон сделал шаг. Притянул её к себе. Молча. Глядя в глаза.

Её тело дрожало в его руках.

Он приблизился близко — так, что дыхание смешалось. Но не поцеловал.

И тогда Люда, словно сорвавшись, сама со стоном жадно прикусила его нижнюю губу.

Взрыв.

Оглушающая волна чувственности прокатилась через обоих.

Он резко вдохнул и потянулся к ней.

Она — отстранилась, торопливо.

— Антон... прекрати, пожалуйста, — выдохнула она, тяжело дыша.

Он смотрел на неё с вопросом в полном недоумении.

Разрыв шаблонов.

Он не чувствовал такого с юношеских лет. Когда был влюблён в 8 классе в одноклассницу и сердце колотилось до звона в ушах. Когда в крови взрывались фейерверки от одного взгляда.

А сейчас он — взрослый, состоявшийся, опытный мужчина. Перед ним женщина, которая хочет его. Он это видит: зрачки расширены, дыхание сбито, губы приоткрыты, кожа вспыхнула румянцем.

И она находит силы это остановить?

Бред какой-то.

— Друг, — хрипло сказала Люда, пытаясь выровнять дыхание. — Друг так себя не ведет.

Антон закрыл глаза на секунду.

Чёрт.

Сам себе подложил свинью этим словом. Тогда это был единственный вариант не потерять её окончательно. Сейчас же — ловушка.

Он отвернулся, провёл рукой по лицу.

— Ладно, — сказал он с прохладцей, стараясь вернуть привычный тон. — Какие ещё правила в нашем «дружеском» общении? Что мне ещё нельзя? Смотреть? Дышать? Хотеть?

— Если хочешь, я выслушаю твои пожелания, — тихо сказала Люда.

Он резко повернулся к ней.

— Хорошо. Слушай.

Он говорил честно. Без масок.

— Ты мне нравишься. Очень. Меня к тебе тянет так, очень сильно тянет, что иногда крышу сносит. Я хочу, чтобы ты стала моей женщиной. Чтобы мы проводили вместе всё свободное время, которое у меня есть. Хочешь гулять по набережной — будем гулять. Я постараюсь освободить какое-то время. Хочешь маленькие кафе вместо моих пофосных ресторанов — будем ходить туда, куда скажешь ты. Выставки, музеи, ярмарки — всё что угодно. Я хочу быть с тобой ночами там, где ты захочешь. Потому что если честно, у меня уже и голова, и... — он запнулся, усмехнулся, — всё остальное взорвётся от этого ожидания.

Он был предельно откровенен.

И не ожидал того, что услышал в ответ.

Люда смотрела на него долго. В его горящие глаза. Больше всего на свете ей хотелось не думать. Просто упасть. В его объятия. В эту силу.

Но она выпрямилась.

— Я понимаю, что скажу сейчас вещи для тебя неприемлемые. Возможно, дикие. Но ты должен знать — я выросла в другой среде. Моя бабушка была самым близким человеком в детстве. И всё, во что я верю, заложено тогда. Глубоко. Крепко.

Она сглотнула.

— Ты мне очень нравишься. Но всё, что между нами происходит, через десять минут может закончиться постелью. А я не приемлю секс до свадьбы.

Тишина.

— Я понимаю, что это звучит как из прошлого века. Но я не могу разрушить то, во что верю. Даже если сейчас безумие накрывает с головой. Я не могу переступить через принципы. Такая я есть. Поэтому и отказывала. Не чтобы издеваться. Я просто понимала, что тебе будет трудно это понять.

Антон стоял как вкопанный, растерянно зависнув на ее губах, как будто в его голове переваривалась информация.

Несколько секунд он даже не мог выдохнуть.

Потом почесал лоб, закрыл глаза, тяжело вздохнул.

— Ну я понимал, что будет непросто... но что настолько — не представлял. То есть ты сейчас серьёзно? Ты отказываешь всем мужчинам в сексе до брака? Только муж? Или жених тоже канает?

В голосе скользнула ирония.

— Люд, ты не монашка. Ты не в платочке. Ты современная женщина. Откуда это вообще? Ты... — он замялся, — ты девственница?

— Нет. У меня был муж. Он умер.

— О боги... — выдохнул Антон. — Я пиздец как озадачен.

Он прошёлся по кухне.

— Мне надо это переварить. У меня микросхемы сейчас полетят к чёртям. Какая ты интересная женщина, Людмила.

В нём что-то резко сменилось. Был натянутый нерв — стал скептик. Защита. Она это увидела.

— Ты серьёзно мне это сейчас лепишь? Это не розыгрыш? Объясни, кто заменил мою вменяемую сотрудницу на эту женщину? Я не врубаюсь. Я должен сначала жениться, чтобы трахаться, б...ть?

Грубость вырвалась сама.

Он надвигался.

Люда отступила, мягко коснулась его груди.

— Подожди. Не кипятись. Ты просто не можешь это понять. Если узнаешь меня лучше — поймёшь. А если нет... тогда тебе будет проще уйти.

Он замер.

Уходить он не хотел.

— Ладно. Есть я и ты. Мы хотим друг друга. Но есть твои устои. Может, можно договориться? Есть исключения в «твоих правилах игры»?

— Нет, — улыбнулась она. — Если есть притяжение — можно общаться. Если будет любовь — можно жениться. Всё просто.

— Просто, б..ть? — горько усмехнулся он. — Это не просто, это невыполнимо. Я не могу... — он осёкся, — я не из тех, кто женится.

— Вот, — тихо сказала Люда. — Я это знала. А ты думал, что я динамлю.

Он провёл рукой по волосам.

— В моём мире любовь отдельно. Брак отдельно. Это не пересекается.

— А в моём — пересекается, — спокойно ответила она.

Зазвонил телефон.

Люда отошла. Короткий разговор. Из православной школы — уроки перенесли на раньше.

Она вернулась к нему.

— Мне нужно ехать. Сегодня занятия у детей.

Он смотрел из-под бровей.

— Поклянись, что наш разговор это не розыгрыш.

— Не розыгрыш.

Он подошёл ближе. Провёл носом по её волосам, вдохнул. Коснулся губами виска.

— Это хотя бы не запрещено? — прошептал он.

И, не дожидаясь ответа, вышел.

Дверь закрылась.

А между ними осталась кухня, запах блинов и невысказанное «что теперь».

Глава 17 — «Там, где больно»

Дверь закрылась тихо.

Антон вышел из подъезда, вдохнул холодный воздух — и только тогда понял, насколько он был перегрет. Кожа словно горела изнутри. Пальцы помнили её талию. Губы — вкус её кожи. Зубы — её укус. Все внутри бурлило.

Он сел в машину и несколько секунд просто сидел, глядя в одну точку.

Жениться.

Он усмехнулся.

В его мире это слово означало совсем другое. Контракт. Статус. Союз фамилий. Расчёт. Брак — как актив. Как договорённость. Любовь — отдельно. Страсть — отдельно. Жизнь — отдельно.

А она стояла перед ним и говорила об этом так, будто это одно и то же.

Он завёл двигатель, но не тронулся.

Почему это так задело?

Не потому, что она отказала.

Отказы от женщин он уже не помнил, но в юности, когда отказы были он переживал спокойно. Даже азартно.

Его задело то, что он впервые оказался не в позиции силы.

Его не отталкивали.

Ему не говорили «нет» из-за страха или игры.

Ему не ставили цену.

Ему просто обозначили границу.

И он не мог её разрушить. Но может быть он мог её подвинуть?

Люда осталась одна в кухне.

Она медленно опустилась на стул.

Колени дрожали.

Губы всё ещё пульсировали от его близости. В теле гуляла горячая волна, не получившая продолжения. Она закрыла глаза и позволила себе одну короткую, честную мысль:

Если бы он не остановился...

Она бы не устояла.

И именно это было самым страшным.

Она не боялась Антона. Она боялась собственной слабости рядом с ним.

Его запах — дорогой, тёплый, мужской.

Его ладони — тяжёлые, уверенные.

Его взгляд — будто он уже знает, как она будет звучать в его руках.

Это было опасно.

Потому что тело хотело.

Очень.

Она встала, подошла к окну. В груди было странное чувство — смесь боли и облегчения. Она не предала себя. Но и не получила того, чего хотела.

А хотела она его.

Не статуса. Не денег. Не ресторанов.

Его тепла, его наполненности, его любви.

Но не ценой того, во что верила.

Антон всё же тронулся с места.

Мысли шли резко, обрывками.

«Я не из тех, кто женится».

Почему он это сказал так легко? Почти с вызовом?

Потому что это правда. Он видел слишком много браков, которые были фарсом. Слишком много мужчин, которые теряли себя в семейных обязательствах или же были отдельно от семей. Он всегда выбирал свободу.

И вот сейчас какая-то женщина из его команды, которая рисует с детьми в православной школе, ставит ему условие, которое он не может принять.

И всё же...

Он чувствовал не только злость.

Было ещё кое-что.

Уважение.

Она не пыталась его удержать. Не плакала. Не манипулировала. Не намекала.

Она просто сказала: вот мои правила. Либо ты принимаешь их, либо нет.

Он вспомнил, как она мягко коснулась его груди, когда он начал закипать.

Без страха.

Без унижения.

Спокойно.

И это почему-то выбило его сильнее, чем если бы она закатила истерику.

Вечером он не смог работать.

Документы лежали открытыми, но взгляд скользил мимо строк.

Он вспоминал, как она прикусила его губу.

Чёрт.

В этом было столько желания, что у него до сих пор внутри всё отзывалось. Она хотела его не меньше. Он это чувствовал каждой клеткой.

И всё равно сказала «нет».

Не потому что не хочет.

Потому что у нее в голове какие-то свои понятия.

— Да что за женщина... — пробормотал он, проводя ладонью по лицу.

Его раздражало, что его это цепляет.

Его раздражало, что ему важно.

Он привык: если возникает притяжение — оно реализуется. Быстро. Красиво. Без сложных философий.

А здесь — нужно ждать, чувствовать, уговаривать, слишком сложно.

Нужно думать.

Нужно решать.

И, что самое пугающее, — нужно выбирать.

Да, вообще все это было трешово, какая-то ерунда, Антону до сих пор не верилось в реальность происходящего, да что за бред.

Люда стояла перед зеркалом, собираясь на занятия.

Она поправляла волосы, но мысли были далеко.

Антон был не злым человеком. Просто он жил иначе. В другой системе ценностей. Для него страсть — это естественно. Для неё — тоже. Но только внутри рамки.

Она вспомнила, как он сказал: «Я хочу, чтобы ты стала моей женщиной».

В этом не было пошлости. Было просто желание.

И в ней отозвалось.

Она не хотела, чтобы он уходил.

Но если он не сможет принять её целиком — со всеми её «странностями», — тогда это не её мужчина.

Она провела пальцами по губам.

Ей хотелось, чтобы он понял. Не ради принципа. Ради того, чтобы между ними было не только тело. Она точно знала что, только так у них есть будущее.

Антон взял телефон.

Долго смотрел на её имя.

Его гордость говорила: не звони. Пусть сама.

Но внутри всё было натянуто, как струна.

Он набрал.

Она ответила не сразу.

— Да, Антон Сергеевич?

Голос спокойный. Чуть мягче, чем днём.

— Ты правда сейчас едешь к детям? — спросил он неожиданно для самого себя.

— Да.

Пауза.

— Люд...

Он замолчал.

Впервые за долгое время он не знал, что сказать.

— Я не умею жить по твоим правилам и не понимаю их, — честно произнёс он. — Но я не хочу делать вид, что мне всё равно.

На том конце стало тихо.

— Я и не прошу тебя делать вид, — ответила она.

— И что тогда? — хрипло.

— Тогда мы либо учимся слышать друг друга. Либо расходимся сейчас.

Просто. Без драмы.

Он закрыл глаза.

Он мог уехать. Забыть. Найти кого-то проще или же наоборот круче.

Но мысль о том, что её будет касаться кто-то другой, отзывалась неприятным, тёмным жаром в груди.

— Я не хочу тебя терять, — медленно сказал он.

— Тогда начнём с честности, — тихо ответила она.

Он впервые за весь день улыбнулся.

Пружина внутри не исчезла.

Но теперь это была не только злость.

Это было начало борьбы.

И, возможно, впервые в жизни Антону захотелось не победить женщину.

А понять её.

Глава 18 — «Под кожей»

Утро началось резко.

Антон вошёл в офис в половине девятого — собранный, холодный, идеально выверенный. Костюм без единой складки, взгляд прямой, шаг быстрый. Он уже успел провести короткий созвон с Лондоном и подписать два письма до того, как секретарь принесла ему первый чёрный кофе.

Горький. Без сахара.

Как он любил.

Рабочий день расписывался по минутам — встречи, подписи, переговоры. Всё чётко, структурировано, рационально.

Кроме одного.

Мысли.

Они были неструктурированными.

Они возвращались к ней.

Он ловил себя на том, что зависает взглядом в окне. Смотрит на город, а видит её. Светлые волосы. Родинку на шее. Румянец на щеках, который появляется, когда она смущается.

Он вспоминал, как её губы коснулись его. Как она прикусила его нижнюю губу — неожиданно, жадно.

Эта женщина утверждает, что не приемлет секса до брака. Это какая то ложь.

Её тело вчера говорило совсем на другом языке.

И это сводило его с ума.

Он мужчина. Его желание простое и честное. Он хочет её. Её ноги — длинные, стройные, которые он видел в узкой юбке. Он хочет провести ладонью по изгибу её талии, стянуть с неё эту аккуратную блузку, почувствовать тепло её кожи.

Он представлял, как она сначала сдержанная, почти строгая, а потом теряет контроль. Как её дыхание становится тяжёлым. Как она цепляется за его плечи.

От этих мыслей в груди становилось жарко.

Но вместе с этим было что-то ещё.

Её запрет.

Её граница.

И этот запрет почему-то не отталкивал. Он возбуждал.

Потому что всё, что даётся сложно, ценится сильнее.

В десять тридцать секретарь сообщила:

— Антон Сергеевич, Людмила и Александр Иванович по проекту новых снеков.

— Пусть заходят.

Он откинулся в кресле. Лицо стало жёстким.

Дверь открылась.

Люда вошла первой.

И время слегка замедлилось.

Она была свежей — утренней. Волосы мягко лежали на плечах, блестели. Глаза ясные. Щёки слегка румяные. Никакой вызывающей косметики — естественная, чистая красота.

Блузка подчёркивала линию груди — не нарочито, но достаточно, чтобы фантазия дорисовывала. Юбка повторяла изгиб бёдер. Колени — аккуратные, собранные.

Он скользнул взглядом по её фигуре — быстро, незаметно.

Александр Иванович выглядел напряжённым. После больничного он нервничал, боялся потерять позицию.

— Присаживайтесь, — спокойно сказал Антон.

Они сели напротив.

Антон слушал доклад начальника внимательно, задавал точные вопросы. Он был суровым, собранным, недоступным.

Но краем глаза видел её.

Люда сидела ровно. Спина прямая. Руки аккуратно лежали на папке с проектом. Когда она говорила, голос звучал уверенно.

И от этого его внутри накрывало ещё сильнее.

Он хотел не только её тело.

Он хотел эту женщину целиком.

Когда обсуждение закончилось, он произнёс:

— Проект утверждаем. Передаём технологам.

Александр Иванович облегчённо выдохнул.

— Людмила, оставайтесь, пожалуйста.

Начальник вышел.

Дверь закрылась.

И воздух изменился.

Антон откинулся в кресле, взгляд стал мягче.

— Присаживайся ближе, — сказал он уже без официоза.

Она пересела.

Он нажал кнопку:

— Марина, два кофе. Для Людмилы — с круассаном.

— А вам?

— Как обычно.

Он смотрел на неё открыто и очень тепло, как будто любовался какой-то милой картинкой или домашним зверем.

И она почувствовала.

Этот взгляд обволакивал. Согревал. Медленно касался.

Она начинала плавиться под ним.

— Что? — тихо спросила она.

Он улыбнулся уголком губ.

— Я просто люблю. Ты сегодня... очень красивая.

Её пальцы чуть сжались.

— Антон Сергеевич...

— Антон, — мягко поправил он. — Мы же учимся узнавать друг друга.

Принесли кофе.

Она сделала глоток, но почти не почувствовала вкуса. Всё её внимание было сосредоточено на нём.

Он смотрел, как её губы касаются чашки. Представлял, как эти губы могли бы касаться его кожи, или других частей тела.....

Медленно. Не спеша.

Он глубоко вдохнул, заставляя себя держать дистанцию.

— Сегодня у меня две встречи вечером, — сказал он спокойным тоном. — Освобожусь около восьми. Если ты не ложишься рано... я могу заехать. Просто погуляем.

Она опустила взгляд.

— Я устаю... но буду рада тебя видеть.

Эти слова прозвучали тихо. Искренне.

И в груди у него что-то сжалось — не от похоти. От тепла.

Он вдруг понял, что хочет не просто ночь.

Он хочет, чтобы она сама захотела быть рядом.

Глава 19 — «Между желанием и выбором»

После её ухода кабинет стал слишком тихим.

Секретарь что-то говорила по телефону. В коридоре проходили сотрудники. Рабочая жизнь текла своим обычным темпом.

А внутри него было беспокойно.

Антон встал и подошёл к окну. Город под ним двигался в своём ритме — машины, светофоры, стеклянные фасады, холодный деловой день.

Он привык, что мир подстраивается.

Сегодня — нет.

Сегодня он подстраивается под одну женщину.

Он провёл пальцами по губам и вспомнил её укус. Чуть резкий, почти отчаянный. Она не была холодной. Она не была недоступной.

Она хотела, трепетала.

И именно это делало всё сложнее.

Если бы она была равнодушной — он бы отпустил.

Если бы она играла — он бы выиграл.

Но она стояла перед ним с горящими глазами и говорила «нет», потому что такие ее принципы.

И это било сильнее любого отказа.

Он сел за стол, открыл документы, но строки расплывались.

Перед глазами возникала Люда.

Её ноги — аккуратные, стройные, когда она сидела напротив, чуть сведя колени. Он видел, как юбка мягко повторяет изгиб бёдер. Он ловил себя на том, что мысленно проводит ладонью вверх — по ткани, по талии, к рёбрам, и видел что происходит с ее глазами.

Он представлял, как снимает с неё эту сдержанную блузку. Как под ней — тёплая кожа. Живая. Чувствительная.

Он хотел узнать её полностью.

Не только в одежде.

Он представлял, как её волосы рассыпаются по подушке. Как она сначала закрывает глаза, сдерживается, а потом сдаётся. Как её дыхание становится тяжёлым. Как она тянется к нему сама.

И в этих фантазиях было не грубое обладание.

А наслаждение тем, как она раскрывается.

Он знал женщин.

Знал их реакции. Знал, как довести до дрожи. Знал, где провести пальцами, где надавить или ритмично потереть, как наклониться, как сказать.

Но с Людой всё было иначе.

С ней он хотел не просто получить.

Он хотел заслужить её доверие.

И это его раздражало.

Потому что требовало времени.

А его тело хотело сейчас.

Во время переговоров с партнёрами он поймал себя на том, что улетает мыслями не туда.

— Антон Сергеевич? — переспросил один из них.

— Да, продолжайте, — коротко ответил он, возвращаясь в разговор.

Но в паузах он снова думал о ней.

О её словах.

«Я не приемлю секс до брака».

Эта фраза сначала вызвала у него внутренний протест. Почти злость. Да, что там – ярость.

А сейчас... сейчас она звучала иначе.

Она не требовала. Она просто обозначила.

Это не ультиматум. Это её фундамент.

И если он хочет её — ему придётся принять не только тело, но и правила.

Он усмехнулся. Жениться. Слово всё ещё звучало чуждо. Как бред.

Брак в его мире — это союз капитала, обязательств. Там редко живёт страсть.

А она соединяет любовь и брак в одно.

Он никогда не видел, чтобы это работало.

Но, возможно, он просто не смотрел.

К четырём часам дня он устал не от встреч.

От мыслей. Он написал ей короткое сообщение: «Как проходит день?»

Ответ пришёл через несколько минут. «Много правок с новым проектом. Устала. Но думаю о вечере.»

Он замер. Думаю о вечере. Он перечитал ещё раз. Значит, она ждёт.

Значит, это важно не только ему. В груди стало теплее.

Ближе к шести в офисе стало тише. Сотрудники постепенно расходились.

Антон остался в кабинете один.

Он снял пиджак. Ослабил галстук.

И удивился своим мыслям.

Он хочет её не только в постели.

Он хочет просыпаться рядом.

Хочет, чтобы она сидела напротив за завтраком.

Хочет видеть её волосы растрёпанными, без укладки.

И эта мысль пугала сильнее, даже чем перспектива брака.

Потому что это зарождалась привязанность.

Он подошёл к зеркалу, провёл рукой по подбородку.

Если бы кто-то месяц назад сказал ему, что он будет всерьёз размышлять о женщине, которая отказывает ему из-за своих принципов — он бы рассмеялся.

А сейчас он не смеётся. Он анализирует. Он привык выигрывать.

Но с ней нельзя выиграть силой. С ней можно только быть настоящим.

И это для него сложнее, чем любой контракт.

Он представил вечер.

Как он подъедет к её дому.

Как она выйдет — уставшая, но светлая.

Как посмотрит на него — немного настороженно, немного тепло.

Он не будет торопиться. Он будет держать дистанцию.

Потому что если он снова коснётся её так же, как вчера — он не остановится.

А она... она может отступить навсегда.

Он сжал кулаки. Он не привык ждать.

Но ради неё — будет. Потому что если он сейчас сломает её границы, он потеряет главное — её уважение. А без уважения её не будет.

В семь сорок пять он вышел из офиса.

Город уже погружался в вечерние огни.

В груди было странное сочетание — возбуждение и тревога.

Он хотел её. Очень.

Хотел её губы, её шею, её мягкую кожу под пальцами.

Но впервые в жизни его желание переплеталось с осторожностью.

Он понял одну важную вещь.

Если он хочет, чтобы она стала его женщиной — по-настоящему — ему придётся научиться терпению.

И, возможно, впервые в жизни он задумался:

А что, если брак — это не ловушка?

Что, если это выбор? Он резко выдохнул.

— Не спеши, — сказал он сам себе.

Но внутри уже зрело что-то новое. Не решение. Пока ещё нет.

Но движение в ту сторону, о которой он раньше даже не думал.

И всё это — из-за одной женщины.

С родинкой на шее.

С румянцем на щеках.

С упрямыми принципами.

И с таким телом, которое снилось ему уже несколько ночей подряд.

От автора: Дорогие читатели, я поменяла обложку к книге немного, мне показалось, что образ Антона должен быть более брутальным. Как вам она? Больше нравится или оставить прежнюю, напишите, пожалуйста, ваше мнение?

Глава 20 «Когда ревность имеет голос»

Антон знал, что она его ждёт.

Он сам предложил заехать вечером. Без официоза. Без «обсудим проект». Просто — увидеться.

Это уже было шагом.

В машине лежали цветы. Небольшой букет — ничего показного. Он сам удивился, что купил их. Не потому что нужно. А потому что захотел.

Во дворе было светло. В её окнах горел тёплый свет.

Он посмотрел на часы. Почти вовремя.

И в этот момент дверь подъезда открылась.

Антон даже не сразу понял, почему в груди стало тесно.

Из подъезда вышел Дмитрий.

Не торопясь. Без суеты. В пальто, без шарфа — как человек, который не на минуту зашёл. Остановился у крыльца, посмотрел в телефон, сжал губы. И только потом направился к машине.

Антон замер.

В голове слишком быстро сложились детали:

Она знала, что он приедет.

И при этом за пятнадцать минут до его приезда у неё был Дмитрий.

Не случайный сотрудник.

А тот самый, который слишком часто смотрел.

Внутри что-то глухо ударило.

— Подожди, — сказал он водителю.

Дмитрий сел в машину и уехал.

Антон смотрел ему вслед слишком долго.

Ревность не была новым чувством. Но такая — да.

Не раздражение. Не укол.

А животная, горячая, темная, почти унижительная злость.

Он вышел из машины. Цветы остались на сиденье.

Поднимаясь по ступенькам.

Он был на грани.

Звонок. Шаги.

Щёлкнул замок.

Люда открыла.

Она улыбнулась — сначала. А потом увидела его лицо и улыбка медленно погасла.

— Ты вовремя, — сказала она тихо.

Он не ответил.

Просто прошёл внутрь молча.

В квартире пахло чаем. На столе папки, ноутбук. Рабочая атмосфера.

Слишком аккуратно.

— Он давно ушёл? — спросил Антон, не глядя на неё.

Она не притворилась, что не поняла.

— Минут пятнадцать назад.

— Ты знала, что я приеду.
Это не был вопрос.
Она выдохнула.
— Да.
Он резко повернулся к ней.
— Тогда объясни мне, почему я вижу его выходящим из твоего подъезда?
Голос стал ниже. Жёстче.
Она напряглась.
— Он пришёл поговорить.
— О чём?
— О работе.
Антон усмехнулся — коротко, без тепла.
— Вечером? У тебя дома?
— Я не хотела задерживаться в офисе.
— И поэтому пригласила его сюда?
Он сделал шаг ближе.
Она не отступила, но взгляд стал холоднее.
— Он пришёл сам.
Вот тут что-то щёлкнуло.
— Сам? — голос стал опасно тихим. — И ты егопустила.
— Это рабочий проект, Антон.
— Не называй это проектом.
Он уже рычал.
Не кричал — именно рычал. Сдержанно. Сквозь зубы.
— Я видел, как он на тебя смотрит.
— Это твои фантазии.
— Это не фантазии.
Он подошёл вплотную. Настолько, что ей пришлось поднять голову.
— Он был здесь, зная, что я приеду?
Она отвела взгляд на секунду — и он это заметил.
Вот оно.
— Он знал? — повторил он.
— Я сказала, что у меня вечером встреча.
— Со мной.
— Я не обязана скрывать, что у меня есть личная жизнь.
Это ударило.
Антон сжал челюсть.
— Что он сказал?
Она молчала.
И это молчание разозлило его сильнее всего.
— Люда.
— Ничего важного.
— Я не верю.
Он навис над ней. Не касаясь. Но почти прижимая к стене своим присутствием.
— Он пришёл не из-за документов.
Она понимала — он прав.
Дмитрий пришёл потому, что понял. Почувствовал.
Он вошёл в квартиру напряжённый, злой, с болью в глазах.

«Ты правда веришь, что ему нужна ты, что это не сиюминутная вспышка?»

«Мне ты не дала шанса. А как деньги — так сразу побежала».

«Он тебя сломает, попользуется и выкинет?» — бросил он тогда.

Это было грязно.

Это было обидно.

И это всё ещё болело.

Но Люда не собиралась давать Антону повод вцепиться в Дмитрия.

— Он просто... переживает за проект, — сказала она ровно.

Антон рассмеялся. Глухо.

— За проект?

Он вдруг схватил её за запястье. Не больно. Но крепко.

— Он пришёл к тебе, потому что ревнует.

Она замерла.

— И ты тоже, — тихо сказала она.

Это его задело.

— Да, — резко ответил он. — Ревную.

Он приблизился ещё. Теперь между ними не было воздуха.

— Потому что мысль о том, что кто-то другой может сидеть здесь, смотреть на тебя, говорить тебе то, что должен говорить я... — он замолчал, тяжело дыша. — Меня это бесит, мне тяжело.

Она чувствовала, как в нём кипит.

Не только злость.

Страх.

— Он сказал, что ты меня сломаешь, — тихо произнесла она, сама не понимая, зачем.

Антон замер.

— Что?

— Что ты привык брать. И не замечаешь, когда человек трещит под тобой.

Он отстранился на полшага.

Глаза потемнели.

— И ты ему поверила?

— Нет.

— Тогда почему ты сейчас защищаешь его?

— Я защищаю тебя, — выдохнула она.

Он не понял.

— Если ты начнёшь с ним разбираться, это будет выглядеть как война из-за женщины.

Ты руководитель.

— Мне плевать.

— А мне нет.

Тишина повисла тяжёлой.

Антон смотрел на неё, и в этом взгляде была смесь ярости и боли.

— Он сказал, что ты ему «не дала»? — голос стал ледяным.

Она вздрогнула.

— Не повторяй.

— Сказал?

Она молчала.

И это было ответом.

Антон резко отошёл к окну, провёл рукой по волосам.

В нём бушевало слишком много.

Ревность.

Злость.

И дикое желание защитить. А еще начистить кому-то морду.

Он развернулся.

— Я уничтожу его.

— Нет, — устало сказала она. — И ты не будешь его трогать.

— Почему?

— Потому что это будет означать, что он прав. Что я — твоя слабость.

Он подошёл снова. Медленно.

— Да, ты моя слабость.

Он взял её лицо в ладони. Теперь осторожно.

— Ты то, из-за чего я теряю контроль.

И в этом было больше правды, чем он хотел признавать.

Она увидела, как в его глазах злость сменяется чем-то другим. Глубже.

— Я не принадлежу тебе, — прошептала она.

— Я знаю.

Но голос его говорил обратное.

Он прижал её к себе резко. Почти отчаянно.

И она почувствовала, как дрожит его дыхание.

Это был не мужчина, который командует.

Это был мужчина, который боится потерять.

Она медленно обняла его в ответ.

Сначала осторожно.

Потом крепче.

— Всё хорошо, — тихо сказала она. — Он ничего для меня не значит.

Антон уткнулся лбом в её волосы.

— Я не привык делить.

— Этого и не понадобится.

Они так и стояли несколько секунд.

Потом она потянула его за руку к дивану.

Он сел. Тяжело. Всё ещё напряжённый.

Она устроилась рядом, обняв его за плечи.

И это простое, тихое прикосновение вдруг погасило весь огонь.

— Ты правда думаешь, что я могу выбрать деньги? — спросила она тихо.

Он посмотрел на неё.

— Нет.

— Тогда не позволяй чужим словам разрушать то, что между нами только начинается.

Он долго молчал.

Потом провёл пальцами по её руке.

— Я не хочу быть человеком, который на тебя рычит.

— А я не хочу, чтобы ты перестал быть живым.

Он вздохнул.

И впервые за вечер расслабился.

Они сидели рядом, переплетя пальцы. Без спешки. Без давления.

Говорили про детство. Про её бабушку. Про то, как он в семнадцать ушёл из дома. Про страхи, о которых никто не знает.

Ревность никуда не делась.

Но она перестала быть войной.
В этот вечер он понял главное:
он уже не просто хочет её.
Он боится её потерять.

Глава 21 — «Сладко до дрожи»

День в офисе прошёл странно пустым.

Не потому что не было дел — наоборот. Встречи шли одна за другой. Подписи. Звонки. Цифры. Решения. Люди входили, выходили, докладывали, соглашались, спорили.

Антон работал жёстко и точно.

Но между встречами он ловил себя на паузах.

У него даже не было повода вызвать Люду к себе. Проект утверждён. Вопросы закрыты. Всё шло по плану. Сейчас он контактировал все время с непосредственным начальником Людмилы.

И это его раздражало.

Он видел её в коридоре один раз — она прошла с папкой документов, в светлом свитере и узкой юбке, волосы собраны в низкий хвост. Он вспомнил её аромат — лёгкий, тёплый, почти домашний.

И всё.

Он не позвал.

Вечер тянулся медленно.

Он отказался от водителя — сам сел за руль. Хотел чувствовать дорогу, скорость, холодный воздух.

Она вышла из подъезда в мягком кремовом пальто, с шарфом, обмотанным вокруг шеи. Волосы распущены — светлые пряди блестели под фонарём. Без шапки, ну это куда не годится.

Он вышел из машины.

И замер.

— Ты сегодня... — он чуть улыбнулся, — слишком красивая.

Она смутилась, опустила глаза.

На ней были тёмные сапоги на небольшом каблучке, аккуратная сумка через плечо. Никакого вызова. Никакой нарочитости.

И именно это било по нему сильнее всего.

Они доехали, а потом пошли по заснеженной набережной. Снег падал мягкими хлопьями, фонари светились тёплым светом. Город будто замедлился.

Антон шёл рядом, сначала держась на расстоянии.

Потом осторожно взял её за руку.

Она не убрала.

Её ладонь была прохладной.

Он медленно переплёл пальцы.

— Замёрзла?

— Немного.

Он притянул её ближе.

Его рука легла ей на талию поверх пальто. Лёгкое движение — и она оказалась вплотную к нему.

Он вдохнул запах её волос.

Медленно провёл носом по щеке. И надел капюшон на ее голову.

Она вздрогнула — не от холода.

— Антон... — тихо.

Но не отстранилась.

Ему было вкусно.

Вкусно идти рядом.

Вкусно чувствовать её под рукой.

Вкусно видеть, как она чуть прижимается к нему, будто ищет тепла.

Они зашли в маленькое кафе с большими окнами и мягким светом. Кафе пустовало, видимо будние дни. Их столик был далеко от окон и администратора, они очутились одни в отгороженном пространстве.

Сели у окна.

Люда неожиданно заказала мороженое.

— Зимой? — усмехнулся он.

— Очень захотелось.

Когда принесли креманку, она посмотрела на него с лёгкой улыбкой — почти лукавой.

И Антон понял, что пропал.

Она ела медленно. Маленькими порциями. Закрывала глаза, когда холодное сладкое касалось языка. На её лице появлялось выражение чистого удовольствия.

— Вкусно... — выдохнула она тихо.

Он смотрел, как её губы обхватывают ложку.

Как кончик языка едва касается металла.

Как по пальцу скатывается капля растаявшего мороженого.

Она не сразу заметила.

Он заметил сразу.

Он смотрел на неё ошалевшим взглядом. Ему было невыносимо вкусно просто наблюдать.

— Дай попробовать, — хрипло сказал он.

— Ты разве любишь сладкое?

— Сейчас хочу.

Она растерялась, но протянула ему ложку.

Капля мороженого соскользнула на её запястье.

Антон не отвёл взгляда.

Медленно, не спрашивая, он наклонился.

И языком провёл по тонкой коже её запястья, собирая сладкую каплю.

Движение было неторопливым. Почти ленивым.

Но в нём было столько жара, что Люда вздрогнула всем телом. Как будто Антон хотел её съесть.

Он не отрываясь, провёл чуть выше — к кисти — и прижался губами.

Она замерла.

Глаза потемнели.

Он поднял взгляд — и увидел в её трепет.

Желание.

Глубокое. Почти тёмное.

За её внешним спокойствием скрывалась страстная натура.

И он это чувствовал.

В машине воздух стал плотным.

Он закрыл двери, и мир остался снаружи. Они не долго ехали до дома Люды под приятную, спокойную музыку. Когда он припарковался во дворе Людмилы, то выдохнул и повернулся.

Она сидела рядом, чуть повернувшись.

— Антон...

Он не дал ей договорить.

Его губы нашли её — резко, голодно.

Поцелуй был другим. Не осторожным. Не вопросительным.

Он целовал её так, будто долго держался и наконец сорвался. Люда так основательно прогрела его в кафе со своим мороженым, что удержаться не было никаких сил.

Он поймал ее за шею, впиваясь в сладкий рот. Жадно втянул ее губы, оскаливаясь, очень хотелось прикусить, но он удержался. Люда издала стон.

Его руки обхватили её. Притянули ближе. Он чувствовал её тепло сквозь ткань. Язык уже во всю хозяйничал во рту, присваивал, исследовал, подчинял. Пульс ускорился.

Она отвечала. Сначала мягко. Потом сильнее.

Её пальцы вплелись в его волосы.

Он целовал её шею — медленно, горячо. Шептал что-то тихое, ласковое, сам удивляясь своим словам.

— Ты сводишь меня с ума...

— Какая ты сладкая девочка...

— Я хочу тебя...

Он всегда был молчалив в такие моменты. Сейчас слова срывались сами от накала эмоций.

Антон закрыл глаза, ловя дыхание Людмилы.

Он чувствовал, как её тело откликается, тяжелеет, обмякает, чувствовал свои мужскую власть над девушкой. Как она дышит глубже. Как её грудь прижимается к нему. Как постанывает в его рот.

Он на секунду совсем потерял ориентацию. Его рука скользнула ниже между ее ног, ему так хотелось почувствовать ее еще там, хотелось прикоснуться в теплой, мягкой желанной плоти. Как же его член хотел ее там, он был настолько перегрет, что не было сил держаться. Пальцы вжимаются в сладкую точку и Люда теряет весь кислород и открывает глаза, кислорода мало даже Антону.

И в этот момент она резко накрыла его ладонь своей.

— Стой, стой, стой... — прошептала.

Он замер.

Как будто очнулся.

Дыхание сбито. Взгляд затуманен.

— Прости... — выдохнул он. — Я... не удержался, черт, не ожидал что ты такая сладкая. Я не готов так с тобой проститься.

Она смотрела на него — покрасневшая, с припухшими губами.

— Я тоже..., но мне нужно уже домой, завтра рано вставать на работу, а начальник у меня очень строгий — тихо сказала она и улыбнулась.

Он медленно отпустил её, Люда привела одежду в порядок.

Она поправила волосы, Антон погладил ее на прощание ладонью по щеке.

- Спокойной ночи, моя вкусная девочка. Она улыбнулась.

- Пока.

Люда вышла из машины.

Он остался один.

Внутри всё ещё гудело. В теле — напряжение, неудобство, неудовлетворённость, в штанах стояло так, как в юности.

Но странным образом это не злило.

Потому что то, что она дала ему сегодня — было больше, чем просто физическая близость.

Это было доверие.

Это была искренность.

Это было чувство, которое не купишь и не возьмёшь силой.

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза.

Он хотел её до боли.

Но впервые в жизни понял — ждать тоже может быть сладко.

Очень сладко.

Глава 22 Право на выбор

Антон не спал.

Не потому что думал о проверке.

А потому что в голове стояла одна картинка — Дмитрий в её квартире.

И её лицо, когда она что-то не договорила.

К восьми утра папка от службы безопасности лежала у него на столе.

Сорокин вошёл без лишних слов.

— Проверили глубже, — сказал он.

Антон листал молча.

— Контакт с «Гелиос Групп» — дважды. Неофициально.

— Передача технической сводки по тендеру — косвенно подтверждается.

— В «Синтексе» — внутреннее расследование по сливу коммерческого предложения.

— Доказательства? — холодно спросил Антон.

— Достаточно, чтобы расторгнуть по статье «утрата доверия». Если начнёт шуметь — поднимем вопрос о служебном расследовании.

Антон закрыл папку.

— Подготовьте приказ. И пусть юристы оформят всё чисто.

Сорокин задержался на секунду.

— Это из-за женщины?

Антон поднял взгляд.

— Это из-за сотрудника, который решил, что может ходить по чужим домам и устраивать сцены.

Сорокин кивнул. Вышел.

Через десять минут Дмитрий стоял напротив стола.

— Вызывали?

Антон не предложил сесть.

— Ты уволен.

Тишина.

— Что? — Дмитрий усмехнулся. — Это шутка?

— Нет.

Антон вышел из-за стола. Медленно. Без суеты.

— Утрата доверия. Контакты с конкурентами. Старые истории по «Синтексу». Неофициальные консультации за деньги.

— Это притянута за уши.

— Не настолько, чтобы я не мог подписать приказ.

Дмитрий шагнул ближе.

— Это из-за неё?

Вот оно.

Антон остановился в полуметре.

— Ты вчера был у неё дома.

— И что?

— Ты позволил себе говорить ей дерьмо.

Глаза Дмитрия потемнели.

— Я сказал правду. Что ты её сломаешь. Что такие как ты привыкли покупать людей.

Антон усмехнулся. Холодно.

— Слушай сюда, — сказал он тихо, но так, что воздух в кабинете стал густым. — Ты можешь сколько угодно строить из себя оскорблённого мужика. Но подальше от сюда.

— Она тебе не принадлежит.

Антон резко приблизился.

— А тебе? — процедил он.

Дмитрий сжал кулаки.

— Мне она хотя бы честно сказала «нет». А тебе да? Потому что у тебя деньги и власть?

Вот тут Антон схватил его за ворот рубашки.

— Ещё одно слово в этом тоне — и я забуду, что мы в офисе.

— Отпусти.

— Ты либо пишешь заявление сегодня. Без отработки. Либо я поднимаю наружу твою маленькую историю с «Гелиосом». И твой перевод через третье лицо. И тот тендер в «Синтексе».

Дмитрий побледнел.

— Ты не докажешь.

— Мне и не нужно. Достаточно начать.

Антон отпустил его, но взгляд не смягчился.

— И запомни: к Людмиле ты больше не приближаешься. Ни в офисе. Ни вне его.

— Ты мне угрожаешь?

— Я тебе объясняю по-мужски.

Голос стал жёстче.

— Она не поле для твоих обид. И если ты ещё раз к ней подойдёшь — разговор будет совсем другой. Понял?

Дмитрий выругался.

— Да забирай ты её. Все равно быстро наиграешься.

Антон усмехнулся.

— Посмотрим.

— У меня есть кое-что на компанию, — бросил Дмитрий напоследок. — Не строй из себя святого.

Антон даже не моргнул.

— Попробуй.

Тишина.

— Пиши заявление.

Через час Дмитрий покинул офис.

Не попрощавшись.

Люда узнала случайно.

Увидела его с коробкой.

И через несколько минут стояла у двери кабинета. Секретаря не было на месте.

Она постучала.

— Входите.

Антон поднял голову. И его взгляд изменился. Он встал. Подошёл. Не спеша.

Он был напряжён — внутри ещё гудел конфликт. Адреналин. Злость. И что-то другое.

Более опасное. Ему нужно было прикоснуться к ней.

Как будто иначе он не сможет выдохнуть.

— Ты знаешь? — спросил он тихо.

— Да.

Она стояла прямо. Спокойно. Но он видел — в глазах вопрос.

Он подошёл ближе. Почти вплотную.

От него пахло чисто, дорого, тепло — древесина и что-то терпкое. И этот запах бил ей в грудь сильнее слов.

— Как ты спала? — спросил он.

Вопрос прозвучал слишком лично.

Он хотел знать. Представлял её ночью.

Одну. Думал о том, как держал бы её ближе, как бы любил ее до утра, если бы только можно было бы.

Люда отвела взгляд.

— Нормально.

Он протянул руку — провёл пальцами по её запястью.

Слишком медленно. Ему хотелось большего.

Хотелось притянуть. Вдохнуть её запах. Провести губами по волосам. Закрыть дверь на ключ. Он мельком посмотрел на смежную комнату отдыха.

Там диван. Душ. Он иногда оставался ночевать во время авралов.

Мелькнула мысль:

выключить телефон, сказать секретарю — не беспокоить.

И сорваться.

Он давно, по своим меркам, не был с женщиной. И сейчас его тянуло к ней почти болезненно.

Он чувствовал, как тело реагирует на её близость — слишком остро.

Люда тоже это чувствовала. В её взгляде вспыхнуло. Но она держалась.

— Чудесные цветы и конфеты сегодня на столе — это ты? — спросила она мягче.

Он улыбнулся.

— Хочу, чтобы ты каждый день знала, что для меня ты важна.

Он сделал ещё шаг. Почти коснулся губами её волос.

— И я буду делать всё, что в моих силах, чтобы ты была счастлива.

В его голосе было не давление. А обещание. Его рука легла ей на талию.

Тепло. Тяжело. Он хотел больше. Намного больше.

Хотел её всю. Без дистанции. Без правил.

Представил, как она отвечает ему без оглядки.

Как теряет осторожность. Горло перехватило. Он наклонился чуть ближе.

— Люда...

В этом было столько желания, что она невольно вдохнула глубже.

Но она отступила. Села. И этим спасла себя, иначе бы ответила, притяжение было практически магическим, тянуло к нему так, что голова плохо соображала, в животе налился теплый шар и требовал вторжения этого невероятного мужчины. Хотелось плена его рук, губ и наполненности, хотелось резких движений и страсти. Люда даже испугалась силе своих желаний, никогда она не чувствовала ничего подобного особенно на работе и днем. Это что за новости то с ней происходят, скоро она сама будет тереться и выпрашивать ласку, словно тело проснулось раньше разума и требовало прикосновений и проникновений, без стыда и правил, нужно что-то менять, иначе этот бизнес тестостерон совсем поработит ее. Нужно переключить мысли и переключить разговор и для себя, и для Антона.

— Я видела Дмитрия, — сказала она.

Он выпрямился. Медленно.

— Он уволен.

— Из-за меня?

Он выдержал паузу.

— Из-за того, что я не хочу держать рядом человека, который может причинить тебе боль или неприятности. Я очень настаиваю на том, чтобы ты с ним не общалась, в дом к себе не пускала и по телефону не разговаривала.

Она смотрела пристально.

— Ты решил все за меня.

Внутри у него снова поднялось. Контроль. Привычка управлять.

— Я пытаюсь защитить.

— В компании — ты решаешь. В моей жизни — нет, пожалуйста.

Он замолчал. Она продолжила спокойно:

— Общаться ли мне с ним — это моё дело.

Он хотел возразить.

Хотел сказать: «Нет, не твоё, если речь о безопасности».

Но осёкся. Он пока никто. Он не имеет права.

Это злило его сильнее, чем слова Дмитрия.

Он отошёл к окну. Сжал кулаки.

Ему хотелось держать всё под контролем.

Её маршруты.

Её окружение.

Её безопасность.

Но слежка — это унижение. А он её уважал.

— Я не буду лезть в твою жизнь, решай сама, — сказал он наконец.

Голос стал ниже.

— Но я не позволю, чтобы рядом с тобой был человек с грязным прошлым.

— Спасибо, что предупредил, — спокойно ответила она. — Но выбор — за мной.

Он посмотрел на неё. И понял, что именно это в ней и сводит его с ума.

Не покорность. Свобода. Он хотел её всю. Но должен был заслужить.

И это было сложнее любого бизнеса.

Он конечно будет приглядывать за ней, но очень, очень осторожно.

Глава 23 Серебро, которое смотрят

Глава 23 Серебро, которое смотрят

До Нового года оставалось четыре дня.

Офис гудел так, будто внутри здания стоял огромный трансформатор.

Антон почти не выходил из кабинета. Совещания, поставщики, отчёты, закрытие контрактов.

Он вызывал её «по делу».

Она входила.

Дверь закрывалась.

И воздух становился плотнее.

Он не набрасывался. Не целовал жадно.

Просто садился на диван и протягивал руку.

— Иди сюда.

Она садилась рядом.

Он притягивал её к себе, закрывал глаза, утыкался носом в её волосы.

Дышал.

И это дыхание проходило по её коже медленно, горячо, почти интимнее поцелуев.

Его ладонь лежала на её спине — тяжёлая, уверенная.

Иногда пальцы спускались ниже, задерживались у талии.

Он держался.

И именно это её сводило с ума.

Потому что в его теле чувствовалась постоянная сдержанная сила.

Как будто внутри него стоит натянутый трос.

И она знала — если он однажды отпустит...

Её тело реагировало быстрее мыслей.

Внизу живота собиралось тёплое напряжение.

Кожа становилась чувствительной даже к тонкой ткани блузки.

Каждый год корпоратив проходил с размахом.

Свет.

Сцена.

Артисты.

Награждение.

Танцы до утра.

В этом году — ресторан при отеле *Marriott Moscow*.

И в этот раз она хотела, чтобы он увидел её иначе.

Не в свитере.

Не в офисной блузке.

Не на кухне с растрёпанным пучком.

Женщиной.

Платье она выбирала почти два дня.

Серебристое.

Длинное.

С открытой спиной — до самой талии.

Ткань струилась по бёдрам, мягко обнимала талию, подчёркивала грудь.

Без бюстгалтера.

Дома она примеряла его снова и снова.

Кожа спины казалась особенно нежной.

Лопатки — тонкими, чуть острыми.

Грудь под тонкой тканью жила своей жизнью.

Соски отзывались на прохладу квартиры, едва заметно проступая сквозь серебро.

От этого зрелища её собственное дыхание становилось глубже.

Она попыталась наклеить специальные чашечки.

Сняла.

Надела.

Снова сняла.

В животе появлялось лёгкое напряжение — от мысли, как он посмотрит.

Как его взгляд остановится.

Как изменится его лицо.

— Ты с ума сошла, если их оставишь, — засмеялась подруга, приехавшая помочь. —
Дай мужчине пострадать.

Подруга когда-то работала парикмахером, теперь занималась частными образами для съёмок.

Она выпрямила Люде волосы — и те стали как блестящее светлое полотно.

Гладкие. Текучие, как шелк.

Макияж — спокойный, но подчёркивающий скулы и глаза.

Когда Люда посмотрела в зеркало, дыхание на секунду сбилось.

Это была она.

Но другая.

Более чувственная.

Тело будто расправилось изнутри.

Она поймала своё отражение в профиль — изгиб шеи, открытая спина, серебро, стекающее по талии.

И внутри что-то мягко, сладко сжалось.

Она написала Антону:

«Сегодня ты удивишься.»

Ответ пришёл через сорок минут:

«Я и так на пределе. Не провоцируй.»

Она улыбнулась.

Фото не отправила.

Пусть увидит вживую.

В такси по дороге к отелю она чувствовала странную смесь волнения и ожидания.

Ткань платья касалась груди изнутри.

Каждое движение отзывалось лёгким трением.

Её тело было словно настроено на один взгляд.

На один конкретный.

И от этого ожидания внутри становилось жарко.

Когда двери отеля раскрылись и их встретило сияющее лобби, она уже знала — сегодня что-то изменится.

Не может не измениться.

Лобби сияло мрамором и стеклом. Огромная ёлка с серебряными шарами отражалась в полированном полу. В воздухе — лёгкий аромат хвои и дорогого парфюма.

Люда поймала своё отражение в зеркальной колонне.

Серебро текло по телу.

Спина — обнажённая, уязвимая.

Каждый шаг отзывался мягким покачиванием бёдер.

Она чувствовала себя... видимой.

И это ощущение будоражило.

Зал ресторана был залит тёплым светом. Хрустальные люстры, сцена, украшенная серебром и еловыми ветками, мягкие огни по периметру.

Столы — белоснежные скатерти, тяжёлый хрусталь, серебряные приборы.

Тарталетки с икрой.

Мини-буррата с томатами.

Креветки на льду.

Ростбиф, тонко нарезанный, с соусом из горчицы.

Брускетты с лососем.

Шампанское искрилось в тонких бокалах.

Когда Люда вошла, разговоры на секунду замедлились.

Она почувствовала это физически. Взгляды — как прикосновения.

Сначала осторожные. Потом смелее.

Кожа на спине покрылась мурашками.

Начальник отдела дизайна, всегда сухой и корректный, поднялся.

— Людмила... вы сегодня просто... — он замялся, — впечатляете.

Его ладонь скользнула по её спине, чуть ниже лопаток.

Чужое прикосновение.

Тело отреагировало мгновенно — неприятным холодком.

Не тем жаром, который появлялся рядом с Антоном.

Она мягко отступила.

— Спасибо.

Маркетолог Слава, самоуверенный и громкий:

— Если бы я знал, что в отделе дизайна такие скрытые сокровища, я бы чаще заходил.

Финансист Артём, уже с бокалом:

— Люда, вы сегодня опасны для мужского коллектива.

Технолог Игорь, весёлый и слегка флиртующий по жизни:

— Я официально требую чаще устраивать такие корпоративы.

Она улыбалась. Вежливо. Спокойно.

Но внутри чувствовала — ей нужно не это.

Не комплименты.

Ей нужен один конкретный взгляд.

Паша появился чуть позже.

В костюме он выглядел непривычно взрослым, но всё равно оставался тем самым немного неуклюжим айтишником.

Он всегда появлялся рядом под предлогом помощи.

— Люд, у вас планшет не тормозит? Я обновил драйвер.

— Наушники не фонят? Я принёс новые, профессиональные.

— Если что-то с софтом — сразу скажите.

Он делал это для неё.

Не для остальных дизайнеров.

И каждый раз, когда она благодарила, он чуть краснел. Она иногда в благодарность покупала ему булочки в буфете и наивно предполагала, что они дружат.

Сегодня он смотрел на неё по-другому.

Смелее. Дольше.

— Вам очень идёт серебро, — сказал он тихо.

И добавил, почти шёпотом:

— Вы... очень красивая.

В его взгляде не было наглости. Только восторг.

И немного тоски. Он был влюблён. Сейчас это читалось.

Но он боялся.

Потому что она старше.

Потому что она уверенная.

Потому что рядом с ней он чувствовал себя ещё студентом.

Когда начался медленный танец, он решился.

— Можно? И она согласилась, может так развеется эта грусть по Антону, который все не приезжал.

Паша держал её аккуратно, почти благоговейно.

Ладонь на талии — осторожная.

Вторая — чуть напряжённая.

Он тихо говорил ей на ухо о своём проекте, о гейм-дизайне.

И между словами едва заметно вдыхал аромат её парфюма.
Люда чувствовала его дыхание.
И одновременно — растущее напряжение внутри.
Потому что Антона всё ещё не было.
Она проверила телефон. Сообщение:
«Пробка. Встрял.»
Сердце стукнуло быстрее.
Музыка сменилась.

Балет на сцене, очередной развлекательный номер — пластичный, чувственный, движения резкие, тела сильные.

И в этот момент она увидела его.
Антон вошёл в зал.
Высокий. В тёмном костюме. Спокойный.
Он снял пальто, поздоровался с заместителями, кивнул руководителям департаментов.
А потом увидел её.
С Пашей.
Его взгляд изменился.
Не мгновенная вспышка.

А медленное потемнение.
Словно в глубине что-то сжалось.
Он остановился на секунду дольше, чем нужно.
Её тело отреагировало раньше сознания.
Грудь под серебром напряглась.

Соски, спрятанные под тканью, словно стали чувствительнее.
Внизу живота разлилось тепло.
Паша что-то говорил, но она уже слышала только собственный пульс.
Антон прошёл к столу руководства.
Ему налили виски.
Он выпил. Не отводя от неё взгляда.
Этот взгляд был тяжёлым. Собственническим. И в нём было жгучее желание.
Густое. Не спрятанное. И еще что-то темное, пугающее.
Люда почувствовала, как между лопаток словно легла горячая ладонь.
Она улыбнулась ему.
Чуть. Мягко. Думала смягчит лед.
Он не ответил. Сел. И продолжал смотреть. И вот тут её накрыло обидой.
Она выбирала платье для него.

Стояла перед зеркалом, думая — понравится ли.
А он мало того, что опоздал, так еще и сидит каменный. Горло сжалось.
Танец закончился, Паша отвел ее к столу и предусмотрительно испарился. Она налила себе martini, куда-то дулся официант, который маячил у их стола постоянно.

Маленькими глотками martini шло на ура, смягчало горечь от чувства обиды, придавала стойкости даже какого-то настроения немного шального. Оливка. Тарталетка.

Но внутри всё равно звенело. Мужчины перестали подходить и приглашать танцевать, рыцарей не нашлось, все помнили историю Дмитрия.

Паша смелый снова оказался рядом. Он уже всё понял.

Взгляд Антона невозможно было не заметить.
— Если вам нужно... я могу... — он запнулся.
— Всё хорошо, Паш, я посижу пока — улыбнулась она.
Но ничего не было хорошо.
Она чувствовала на себе взгляд Антона.
Каждый раз, когда кто-то касался её спины, его челюсть сжималась.
Он не подходил. Не перебивал.
Но воздух между ними становился плотнее с каждой минутой.
Когда Люда поднялась и направилась в коридор — ей нужен был воздух, пауза, тишина
— она уже знала: он пойдёт за ней.
И от этого ожидания в животе стало горячо.
Очень горячо.
Шаги за спиной она слышала почти сразу.
— Люда.
Голос низкий. Напряжённый. И в нём больше не было сдержанности.

От автора:

Мои дорогие ##

Поздравляю вас с 8 Марта!

Пусть в вашей жизни будет как можно больше тепла, нежности и искренней любви. Пусть рядом будут те, кто ценит, бережёт и восхищается вами.

Желаю вам счастья — тихого и большого, спокойствия в душе и огня в сердце. Пусть каждая из вас чувствует себя желанной, красивой, сильной и по-настоящему любимой.

Спасибо, что вы со мной, что читаете, чувствуете и вдохновляете писать дальше. Обнимаю каждую ##^{☆☆}

Глава 24 Когда ревность подгорает

— Люда.

Его голос в коридоре был ниже обычного. Гуще.

Она обернулась.

Антон стоял в нескольких шагах. Галстук чуть ослаблен. В глазах — не холод. Не злость. Что-то более опасное. Он подошёл ближе. Слишком близко.

— Пойдём. Не просьба. Она не сопротивлялась.

Он повёл её в другое крыло — туда, где были служебные апартаменты для руководства. Для переговоров. Для отдыха между мероприятиями.

Дверь закрылась. Щёлк. Тишина.

Она чувствовала, как колотится сердце.

Он развернулся к ней резко.

И несколько секунд просто смотрел. Долго. Медленно.

Так, будто пытался справиться с собой.

— Ты специально? — спросил он наконец.

— Что именно?

Он шагнул ближе.

— Это платье, б...ть.

Его взгляд скользнул по её плечам, по открытой спине, по серебру, обнимающему грудь.

— Вся спина голая. Грудь... что это за издевательство надо мной — он сжал челюсть. — Ты видела, как они на тебя смотрят?

Её дыхание стало глубже.

— Антон...

— У всего маркетинга чуть слюни не текли. Технологи вообще забыли, где они. А этот мальчик-айтишник..., паж су...а из сказки, еще не вырос щенок, а уже туда же — он усмехнулся без улыбки. — Он тебя ел глазами, му...ло.

Она почувствовала, как внутри поднимается волна — смесь стыда, раздражения и... странного тепла.

— Ты ревнуешь?

Он усмехнулся коротко.

— Ревную? — он подошёл вплотную. — Нет, су...а я не ревную, а сижу и оху...ваю от этого зрелища, как половина зала мысленно тебя трахают.

Его ладонь резко легла на её талию.

Горячо.

— Ты понимаешь, что у всех там сейчас стоит на тебя?

Воздух стал плотным. У неё перехватило дыхание. Не от грубости слов.

От того, как он это сказал. С желанием. С напряжением.

— Ты отличный сюрприз устроила, — продолжил он тише. — Может, ещё кого уволить? Димитрия мало было? Теперь айтишника? Или технологов всех?

Она замерла. И вот тут внутри что-то щёлкнуло.

— Если бы я не знала, какой ты на самом деле, — сказала она тихо, — я бы сейчас молча ушла. И уволилась. И больше с тобой не разговаривала.

Он замолчал. Её голос дрожал, но не от страха.

— Но я тебе сейчас постараюсь объяснить, что ты очень ошибаешься и смотришь на ситуацию только с одной стороны. Я искала это платье два дня, — продолжила она. — Стояла перед зеркалом. Думала, понравится ли тебе. Делала причёску, макияж, подбирала украшения,

туфли, накидку, сумку. Ждала тебя весь вечер. А ты сидишь, мрачный, будто я преступление совершила. Еще и рычишь на меня не заслуженно.

Его взгляд дрогнул.

— Остальные мужчины для меня ничего не значат, — сказала она. — Хочешь увольнять — начни с моего начальника. Он тоже вспылал. Мне это не приятно.

Она вдруг нервно усмехнулась:

— Может, введёшь форму: мешок до пола и паранджу корпоративную? Чтобы никого не провоцировать.

Тишина. Антон ещё секунду держался мрачным. Внутри все кипело. Он знал за собой эту дурацкую ревность, но так его еще не накрывало.

А потом уголок его губ дёрнулся.

— Паранджу... — он тихо хмыкнул. И представил себе.

— Да. И бейджик «Не смотреть. Генеральный кусается».

Он не выдержал.

Мрачно усмехнулся. И напряжение в комнате чуть ослабло.

Он провёл ладонью по её открытому плечу. Медленно.

Пальцы скользнули вниз по спине, по изгибу талии.

Он сел на край дивана и притянул её ближе.

Лицом уткнулся ей в живот, в мягкую ткань платья.

Его дыхание обожгло через ткань.

— Ты даже не представляешь, что со мной происходит, — пробормотал он.

Его руки легли ей на бедра. Сильные. Дрожащие.

Он покрывал поцелуями её живот через ткань, выше, ниже.

— Я не сплю нормально, — тихо говорил он. — Я закрываю глаза и вижу тебя. Я смотрю, как на тебя смотрят другие — и меня взрывает. Реально.

Она чувствовала его губы. Его дыхание. Его трепет.

Внизу живота стало горячо и тяжело.

— Я хочу тебя, — сказал он прямо. — Очень. До безумия. И мне тяжело держаться.

Он поднял голову. В его глазах не было злости. Только желание.

Густое.

— Иногда думаю, что родился не в то время, — усмехнулся он. — Мне бы в эпоху султанов. Построил бы дворец, спрятал тебя от всех. И ходил бы счастливый, как идиот.

Она рассмеялась.

— В чалме?

— В чалме. И с охраной у двери. Никого не пускать. Даже айтишников.

Она провела пальцами по его волосам.

— Без айтишников в наше время вряд ли получится))) Ты не сумасшедший.

— Я ревнивый, — честно сказал он. — Но не думал что настолько.

Он потянул её на диван. Серебро платья зашуршало.

Его рука скользнула по бедру.

Она чувствовала, как напряжено его тело.

Слишком напряжено. Она упёрлась ладонями ему в грудь.

— Стой.

Он смотрел на неё тяжело, прерывисто дыша.

Она мягко добавила:

— Я ждала, что ты со мной потанцуешь.

Тишина. Он закрыл глаза на секунду. Выдохнул. Да, он же совсем забыл про сюрприз на сцене для нее.

Поправил пиджак. Едва заметно поправил ткань брюк.

— Ты невозможная, злая, капризная девчонка, при этом обольстительна, как фея и желанная всеми мужиками — хрипло сказал он.

- За что я в жизни так накосячил, что мне послали этого вредного эльфа, а не послушную и на все согласную зайку?

— Зато я твоя, хоть и не идеальная.

Он замер. Медленно улыбнулся.

— Пошли, а то опоздаем.

Когда они вернулись в зал, на сцене уже объявляли следующий номер.

— А сейчас — группа, которую многие из вас любят...

И заиграли первые аккорды группы *Моя Мишель*.

Люда застыла. О Боже!

— Ты...

— Слышал, как ты о них говорила, — спокойно ответил он.

Музыка заполнила зал. Она смеялась, хлопала, подпевала. Это было что-то невероятное, ее любимая певица так близко на сцене, а она в первом ряду, просто протянуть руку можно и дотронуться, Люда видела, как глубоко дышит певица, как улыбается, всю мимику до мельчайшей детали и слышала потрясающий живой звук.

И была абсолютно счастлива. Она раскинула руки и качалась в так музыке и словам.

Когда началась медленная песня, Антон, улыбаясь тронул ее за плечо.

Протянул руку. Она вложила свою. Он притянул её ближе.

Рука на спине — уверенная.

Ладонь на талии — собственническая.

Но уже без злости. Его лоб коснулся её виска.

— Я восхищаюсь тобой, — тихо сказал он. — И хочу тебя.

Она закрыла глаза. Тело расслабилось.

И в этом танце уже не было ревности. Только предвкушение.

Очень близкое. Очень опасное. Люда была так ему благодарна за все. Она еще никогда не была так счастлива.

Глава 25 «Ночь, которая всё меняет»

После танца он больше не отпустил её.

Музыка гремела, свет вращался по залу, кто-то смеялся, кто-то поднимал тосты — а Антон стоял слишком близко.

Слишком собственнически.

Его ладонь лежала на её спине поверх серебра.

Большая. Тёплая.

— Поехали, — сказал он тихо.

— Уже?

— Я не хочу, чтобы на тебя смотрели ни секунды дольше.

И в этом не было приказа.

Была жажда. Он снял с себя пиджак и накинул ей на плечи.

Ткань была тёплой, пахла им — древесно, глубоко, почти головокружительно.

В такси они сели рядом. Слишком рядом.

Сначала он просто держал её за руку. Потом притянул к себе.

И поцеловал. Глубоко. Без осторожности. Мартини ударило в голову запоздало.

Мир стал мягче. Границы — тоньше. Мужчина рядом ощущался, как непреодолимая сила притяжения.

Её мысли начали путаться.

Зачем она столько выпила?

Почему раньше отказывала?

Почему казалось, что «нельзя», если сейчас — всё так естественно?

Есть он.

Пылающий.

И есть она.

И между ними нет ничего лишнего.

Он целовал её так, будто ждал этого годами. Она отвечала.

Без расчёта. Без контроля.

В животе горело. Тело стало мягким, текучим.

Она словно плыла в тумане. И этот туман не пугал. Он вёл её.

Квартира Антона была огромной.

Высокие потолки. Панорамные окна. Тёмное дерево, мягкий свет, минимум лишних деталей.

Всё — дорогое. Но не показное.

Он не повёл её сразу в спальню.

Взял за руку.

— Сначала покажу кое-что.

Лифт внутри квартиры поднял их на верхний уровень.

Стеклянная обзорная площадка. Тёплая. Освещённая мягким светом.

Внизу — Москва.

Огни. Машины. Звёзды отражаются в стекле.

Она стояла у окна, завёрнутая в его пиджак.

Он подошёл сзади. Обнял.

Подбородком коснулся её плеча.

— Мне кажется я люблю тебя, — сказал он просто. Без пафоса.

Она замерла. Шампанское, которое он налил ей, казалось сладким.
Мир слегка качнулся.

— Антон...

— Можешь не отвечать. Просто знай.

Он поцеловал её шею. Медленно.

И в этом поцелуе уже не было сдержанности.

Когда они спустились вниз, она едва держалась на ногах — не от алкоголя.

От напряжения. У двери спальни он больше не говорил.

Развернул её к себе.

И поцеловал так, будто всё остальное перестало существовать.

Он был жадным. Дорвавшимся. Но не грубым. Ему столько всего хотелось получить и дать своей женщине, того, что очень трудно сделать с чужими и поэтому там он получал только механические действие. А с Людой хотелось всего этого текучего, расплавленного. Он сдерживал себя, потому что физиология рвалась в бой, быстро, глубоко, сильно, яростно до звезд в глазах уже хотелось, но он сдерживал порывы, с Людой хочется по-другому. Здесь не только физиология, здесь душа поет, здесь все в теле тянется к ней. Хочется пира эмоций.

Его руки изучали её, как будто боялись не запомнить.

Она не сопротивлялась.

Серебристое платье соскользнуло на пол.

Её кожа была горячее.

Её дыхание — рваным.

Она не помнила, в какой момент решила, что «можно».

Просто перестала держаться.

Отдалась. Без остатка.

Когда они были на кровати, Антон положил руки на ее изящные трусики.

- Саманими, не хочу рвать такую красоту. Она сняла их спуская вниз по бедрам, оголяясь и у него замерло дыхание от красоты момента. Он впился взглядом в обнаженную плоть и сглотнул, как мальчишка, который не видел еще обнаженной женщины. С легким выдохом прошелся по чувственной плоти, вниз по красивым бедрам, коленям, голням, щиколоткам, провел до изящной ступни, надавил какие-то ему ведомые чувственные точки и девушка отозвалась стоном, распахнула бедра. Как же ему хотелось все это ощущать уже не руками, но он не хотел торопиться. Зачем? Куда? Тело может подождать.

- Защита? пошелестела она.

- Бл...ть, они в тумбе, но как хочется без всего тебя почувствовать, я очень осторожно, доверься.

Она кивнула. Она доверяла.

Люда смотрела на него, её ресницы порхали. Антон вёл носом по её коже, впитывал обезоруживающий запах возбуждённой женщины. В груди давило, внизу всё уже сводило напряжением, по затылку бежали мурашки.

Антон долго ласкал девушку умелыми, но нежными пальцами и ртом. Это было почти волшебство — как музыка, медленная и тягучая. Она уже не помнила, кто она, откуда, что вообще происходило. Просто варилась в волнах наслаждения, которые накатывали всё сильнее и сильнее, пока терпеть эту пустоту внутри стало невозможно.

Она застонала потянулась к нему всем телом.

— Пожалуйста, пожалуйста... — стонала она.

Антон всё понял без лишних слов. Он поймал ее лицо в ладони, завладел ртом и вошёл сразу, без колебаний, до конца. Оба выдохнули рвано. От первого прикосновения к ней там в глазах у него искрило, хотелось сорваться, разогнаться до космической скорости, но он сдерживался.

Глава 25. 2 часть

Предоргазменные ощущения накатывали мгновенно, будто ему снова было семнадцать. Он пытался остудить пыл, подумать о чём-то неприятном, чтобы замедлиться, но как это можно было сделать, когда перед глазами была она, и телом он чувствовал ее сладкую тесноту и уозость? Вся такая открытая, зовущая, желанная, невозможно любимая, своя.

— Этот раунд будет очень коротким, - прошептал Антон ей в губы.

— Слишком долго я тебя ждал, слишком оголодал.

— Пожалуй, я надену защиту, а то голова плывет и остановиться будет выше сил.

Людмила застонала подаваясь на встречу.

И он брал её так, будто это был последний шанс. Всего несколько плавных движений, а потом уже все, без вариантов, сорвался в рваный, сильный и яростный ритм. Ей не хватило немного, чтобы взлететь с ним. Но она была переполнена ощущениями и улыбалась.

Антон замедлился, прижимаясь. Приходя в себя от вязкого концентрированного удовольствия.

- Ты не кончила?

- Не парься мне и так хорошо.

- Ну уж нет.

И ночь растворилась. В поцелуях. В ласках. В срывах дыхания. В шёпоте.

Он повторял её имя. Ласкал. Снова и снова.

И каждый раз в этом звучало что-то большее, чем желание. Он все же нашел ее волшебную точку после долгих ласк, когда она уже не помнила своего имени, резко повернул к себе спиной. Загнул, вошел сзади, стал двигаться мощными толчками, наполняя до отказа, когда сыпались искры из глаз девушки, а пальцы на ногах поджимались рефлексивно, он надавил и стал водить кругами пальцем там, где давно ждало его такого прикосновения и глубоко взорвалось от его нажима и яростного вторжения.

Люда вскрикнула громко и даже не испугалась себя. Ее разносило от удовольствия во все стороны, сладостные волны накатывали снова и снова, она содрогалась под ним и ей хотелось вопить во всю силу, просто не было возможности держать в себе то, что рвалось эмоциями наружу. Она сжимала его внутри и чувствовала увеличение и отве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.